

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА



**Я САДОВНИКОМ
РОДИЛСЯ**

★ Э Р А С Т Р Е Л Ь Ц А ★

Наталья Вячеславовна Андреева
Я садовником родился
Серия «Бестселлеры
Натальи Андреевой»
Серия «Эра Стрельца», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939555

Я садовником родился: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-101883-2

Аннотация

Он родился гениальным флористом. Его букеты достойны были бы первых призов на международных конкурсах. Так же как и загадка, которую он, Садовник, задал идущим по следу сыщикам, достойна того, чтобы войти в анналы криминалистики: почему имена убитых им женщин напоминают названия цветов? Лилия, Маргарита, Роза... Смертельный букет, даже босые ноги убитой девушки опущены в лужу, словно это стебли срезанных растений. А еще в руках у всех женщин, когда их убивали, были пакеты с репродукцией известной картины Ван Гога «Подсолнухи». Так кто ты, Садовник?

Маньяк или жертва рокового стечения обстоятельств? Алексей Леонидов в запале даже поспорил со своим лучшим

другом. И оказался и прав, и не прав. Потому что убийца, которого Алексей так долго искал, и впрямь оказался особенным.

Содержание

Глава 1	16
1	16
2	29
3	38
Глава 2	45
1	45
2	57
3	78
Глава 3	93
1	93
2	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Наталья Андреева

Я садовником родился

БЕСТСЕЛЛЕРЫ НАТАЛЬИ АНДРЕЕВОЙ

Серия «Эра Стрельца»

Эра Стрельца

Ничего личного

– Автора!

Я садовником родился

Ангард!

За миг до полуночи (Принц Эдип)

Черная кошка в темной комнате

Достаточно одной таблетки

Москва не принимает

Айсберг под сердцем

Седьмое море

© Андреева Н., 2017

© ООО «Издательство АСТ»

Не на шутку рассердился

Алексей Леонидов проснулся в это утро со светлым чувством в душе: выходной. Сладко потянулся, глянул в окно, отметил грозные ряды туч, выстраивающихся для парадного марша под аккомпанемент свистящего ледяного ветра, и натянул до самого носа одеяло. Удовлетворенно вздохнул и прислушался. Раздался плач маленькой дочки. Потом девятилетний Сережа плюхнулся рядом с отцом на диван и стал расставлять на шахматной доске крохотные фигурки, утяжеленные магнитами:

– Сыграем?

И, усевшись поудобнее, сделал первый ход.

Леонидов рассеянно передвинул в ответ черную пешку. Жена Александра мелькнула в комнате, перебросила мужнины джинсы с пола на кресло, швырнула в отца семейства грязным носком, мол, трудно, что ли, в ванную отнести, взяла чистые детские колготки с гладильной доски и походя обронила:

– Один в тренировочных штанах на чистое белье лезет, другой вообще не знает, где у него лежат эти самые штаны.

– Где? – лениво спросил Леонидов и зевнул: выходной.

– Я вам всем не нянька. У меня маленький ребенок голодный, – и Александра исчезла, а плач девочки вскоре затих. «Где ты, любовь?» – подумал Леонидов и подмигнул Сереже.

ке: мама сердится, бывает.

Потом отец семейства нехотя поднялся, нашел все-таки спортивные штаны под ворохом женских и детских тряпок и побрел на кухню за утренней чашкой кофе. Маленькая Ксюша приоткрыла рот при виде папы, который был в ее жизни явлением редким: уходил, когда она еще спала, приходил, когда уже спала. Александра воспользовалась моментом и сунула девочке в рот полную ложку каши. Ксюша задумчиво сглотнула.

– У-тю-тю, – сказал ей Леонидов, пальцами левой руки сделав козу. И девочка совершенно неожиданно заревела.

«Выходной», – грустно подумал Леонидов.

– Ребенок совсем не знает папу, – констатировала Александра, успокаивая плачущую дочку.

– Я работаю, – заметил он.

– Но сегодня у тебя выходной, – внимательно посмотрела на него жена.

– И что? – сразу насторожился Алексей.

– Пойди, погуляй с ребенком.

– С одним? – уточнил он.

– Леша, будь человеком! У тебя работа, но и я тоже устаю. За Ксюшкой нужен глаз да глаз, она всякую чепуху в рот тащит и забирается на все, на что только можно забраться. Вчера (представляешь!) выдвинула лесенкой ящики платяного шкафа и по ним добралась до самого верха!

– Скалолазка ты моя, – умилился Леонидов, с гордостью

посмотрев на дочку. – Умница.

– Вот и пойди, покатай эту умницу в коляске вокруг дома. А я пока сделаю в доме уборку, и, может быть, успею сходить в магазин. Одна.

Выволакивая через полчаса из подъезда прогулочную коляску, Алексей на этот раз тоскливо подумал: «Выходной». А это значит, надо выполнять свои отцовские обязанности. Погода на улице к прогулкам не слишком-то располагала. В самом начале февраля, когда всюю положено трещать морозам, вдруг все растаяло, и с крыш посыпалась такая звонкая капель, какая бывает только в марте. Но это был не март, а все еще февраль, и ветер дул такой холодный и сильный, что Леонидов застегнул куртку до самого верха и пожалел, что надел под нее лишь тонкий свитерок. Коляску с девочкой Алексей развернул против ветра и поволок за собой, продвигаясь вперед медленными шагами.

«Сейчас хорошо дома, перед телевизором, с бутылкой пива и тарелкой наваристого домашнего борща. Ах! – невольно вздохнул он. – И поспать бы днем пару часиков тоже хорошо. Но, с другой стороны, Сашку тоже можно понять. Двое детей, один учится во втором классе, девочке только год и три месяца. Мужа целыми днями нет дома. Коммерческий директор крупной фирмы, тут уж ничего не поделаешь. Жена, конечно, все понимает, но устала. Чувствуется, что она устала. И еще погода эта ужасная! Бр-р-р!» – Леонидов пожегил и нагнулся к дочке, поправить сбившуюся шапочку.

В это время проехавшая мимо машина окатила его грязной жижей из растаявшего снега. Леонидов успел только коляску собой прикрыть. Но разозлился он здорово. Поэтому когда красный «Опель Вектра» затормозил у соседнего подъезда, Леонидов решительно толкнул коляску туда. Шофер «Опеля» долго пристраивал на руль противоугонный «костыль», и Алексей успел.

– Эй, мужик! – негромко окликнул он, едва сдерживая ярость.

Тот обернулся. Алексей даже рот открыл от удивления. «Колоритная личность!» – подумал он. Его обидчик был наголо обрит, но с черной бородкой-клинышком, похожей на жирную кляксу, без шапки, в расстегнутом драповом пальто песочного цвета, из-под которого виднелись пестрая шелковая рубашка и толстая витая золотая цепь на голой шее. Но главное это его руки. Ухоженные, в причудливых кольцах с огромными полудрагоценными камнями вперемежку с тонкими серебряными колечками, отполированные ногти с маникюром.

– Да, мужик! – озадаченно выдохнул Леонидов.

И вдруг услышал:

– Леха! Леонидов! Ты, что ли?

«Где бы я мог его видеть?» – подумал Алексей. И пожал плечами:

– Извините, – забыв, что сам хотел потребовать от мужика извинений.

– Да ты как здесь? Не узнаешь? Эх ты, не узнаешь! А как я тебя в десятом классе сделал на последней стометровке? На городских соревнованиях, а? Помнишь?

Обидных поражений Леонидов никогда не забывал. Он бежал тогда первым и до сих пор не мог сообразить, как его сумел догнать неожиданно выскочивший из-за спины Колька Лейкин. Никогда не был ему серьезным соперником, а тут вдруг прорезало. Что ж, у каждого в жизни бывает звездный час.

– Лейкин? Ты, что ли? – Леонидов с сомнением посмотрел на обритую голову бывшего одноклассника. Колоритный образ. И весьма. Неужели бандитом «работает»? Лейкин?!

– Я. Как жизнь? – подмигнул тот.

– Нормально.

– Здорово ты располнел! С трудом признал.

– Да и ты, знаешь, изменился. Слушай, а у тебя все в порядке? – не выдержал Леонидов, внимательно рассматривая Колькин маникюр.

– Чего? – удивился тот. – Ах, руки. Привычка. Я же по образованию флорист.

– Кто?!

– Флорист. Это которые букеты составляют. Руки все время на виду. Вот и хожу раз в неделю к мастеру по маникюру. Не составлять же композицию из нежных, прекрасных цветов, имея обломанные ногти, а под ними грязь?

– И на букетиках ты так... – Леонидов хотел сказать «раз-

богател», но только кивнул на дорогую машину. Но Лейкин понял:

– Не. Я сам этим редко уже занимаюсь. У меня фирма. Цветами торгую. Несколько павильонов по Москве.

– А сюда какими судьбами?

– Продавщица у меня приболела. Вот, заехал узнать, когда на работу выйдет, фруктов привез, – Лейкин слегка потрянул полиэтиленовым пакетом с ярким рисунком, который держал в руке: – Витамины.

– У нее телефона, что ли, нет? – удивился Алексей.

– Почему нет? Есть. Просто я привык заботиться о своих девочках. Слушай, а ты-то сам как, а? Я наших редко вижу. Слышал, ты в ментовке работаешь? Опером? И до какого чина дослужился?

– Ушел, – коротко сказал Леонидов. – Два года, как ушел.

– И где теперь?

– Так, – Алексей неопределенно махнул рукой.

Последнее время он привык высказываться о своей должности осторожно. Потому что многие понимали выгодность знакомства с ним и начинали откровенно навязываться. Так можно было и всех друзей растерять, поэтому Леонидов предпочитал о своей работе помалкивать.

– Проблемы, да? – огорчился Лейкин. – Слушай, я тебе телефончик оставлю, ты позвони. Если денег надо, или с работой помочь. Позвони, а?

Леонидов с удивлением взял его визитку. Вот оно, ока-

зывается, как! Не все богатые люди опасаются навязчивости старых знакомых. Он уже хотел рассказать Лейкину и о своей работе, но тот зябко передернул плечами в своем тонком драповом пальто:

– Погода-то, а? Гадость. Пойду. – И нагнулся к девочке: – Твоя? Ох ты, какая незабудочка! Глазки-то, а?

У Ксюши и в самом деле были яркие голубые глаза.

– А ты? Женат? – спросил Алексей.

Лейкин замялся и отрицательно покачал головой. Они потоптались друг против друга еще несколько минут. В сущности, разговор между двумя бывшими одноклассниками иссякает быстро. «Как ты? Где? Как жена? Дети? Кого из наших видишь?» И все. Дальше уже «пока-пока» и по разным подъездам.

Когда за Лейкиным закрылась тяжелая дверь, Алексей с досадой на себя пожал плечами. Пустая, ни к чему не обязывающая встреча. Но отчего-то неприятно. Он, Леонидов, был не на высоте. Определенно не на высоте. И, машинально запихнув лейкинскую визитку в карман куртки, Алексей нагнулся и стал стряхивать с брюк капли грязной воды. От Сашки опять попадет! Скажет: изгваздался.

... все цветы мне надоели

Мать всегда ассоциировалась у него с цветком, но никогда с розой. Хотя она часами бродила в саду среди этих са-

мых роз, и что такое мульчирование, прищипка, удобрение и подкормка, он понял раньше, чем начал складывать из слогов слова. Он никак не мог догадаться, какой цветок она ему напоминает? Почерневшая от горя, увядшая настолько, что засохшие лепестки ее глаз потеряли свой первоначальный цвет, а стройный стебель тела словно надломился, и головка цветка поникла навеки.

Какой она была, когда еще цвела и чувствовала себя нужной и любимой? Нет, он этого не помнил. Отец ушел к другой женщине, когда ему было четыре года. Мать переживала страшно. Он не переносил вида сорванных цветов с того самого дня, как она почувствовала себя мертвой. Все время казалось, что еще немного, и мать умрет по-настоящему. Он целыми днями цеплялся за ее юбку и таскался за ней повсюду: на улицу, где мать перестала пугаться огромных страшных машин, и буквально лезла под колеса, на последний этаж дома, где увядшая женщина стояла подолгу и смотрела вниз из окна, в аптеку, где просила какие-то лекарства. Он не знал, что это за лекарства, чувствовал только, что страшные. И еще крепче цеплялся за ее юбку: не отпускать, ни за что не отпускать!

– Колокольчик ты мой! – всхлипывала мать, заметив его. – Колокольчик! Что ж ты за мной все время ходишь? Отпусти ты меня!

Он не отпустил, зато мать осталась жива. И с головой ушла в любимую работу: мульчирование, прищипка, под-

кормка. Потом, ранним утром, пока он еще спал, аккуратно срезала полураспустившиеся розы и везла их на рынок. А он, так и не выучивший впоследствии ни одного иностранного языка, бродил среди осиротевших розовых кустов и бормотал, словно заклинание, с детства ставшее родным: Аламо, Супер Стар, Парфюм де ла Неж, Крейслер Имperiал, Бель Анж... Слава богу, что он не видел их мертвыми, только исчезнувшими навеки! Милые, чудесные красавицы! У Бель Анж нежно-розовые цветки... С ума сойти!

Он чувствовал, что мать не любит их так же сильно. Иначе в вазах они выглядели бы совсем по-другому. Не одинокими, а в зеленом бархате декоративных листьев и трав, украшенные бриллиантами мелких белоснежных хризантем или гипсофилой. А не то разноцветными полудрагоценными камнями других садовых цветов. Он с раннего детства грезил об этих флористических композициях, но начать сразу с роз не рискнул. Пошел за деревню, собирал горсть странной травы – кукушкиных слезок. Крохотные сердечки, дрожащие во множестве на тонких волосках-стебельках. И воткнул в них несколько цветков полевой гвоздики. Рваные темно-розовые лепестки сплелись с крохотными сердечками. Он принес букет домой, поставил в глиняную вазу и назвал его «Нежность».

Но нежность вскоре прошла. Когда он стал совсем взрослым и пережил главную в жизни трагедию, то понял, что лучше, чем эти букеты, ничего делать не умеет, а жить чем-то

надо. Какой бесполезный теперь дар! И, по-прежнему натыкаясь повсюду на цветы, он потихоньку начал их ненавидеть. Надоели. Все, кроме...

Глава 1

Лилия

1

У большинства людей по понедельникам резко портится настроение. Новую неделю начинать всегда тяжело, особенно если дал себе слово, что именно с ее первого дня начнешь новую жизнь. Слово себе Алексей каждый раз давал только одно: с понедельника начать делать зарядку. Вот уже год, как он забросил это дело совсем, и уже не только по скептическим взглядам жены понимал, что сильно поправился. Былая легкость движений исчезла, а вместо нее стало частенько покалывать в правом боку.

Накануне Леонидов зашел в спортивный магазин и купил синие атласные трусы с тремя белыми полосками по боковым швам.

– Вы уверены в размере? Мерить нельзя, – предупредила продавщица.

– Уверен, – буркнул Леонидов и втянул живот.

Он решил, что если завтра утром встанет и, надев эти шикарные трусы, расправит перед зеркалом плечи, то остальное придет само собой.

Встать-то он встал, и трусы надел, и плечи расправил, и даже попытался нагнуться, но руками до пола не достал. «Как быстро, однако, теряем мы былую легкость!» – с грустью подумал он, потеряв ноющую поясницу. Потом лег на пол и попытался отжаться. После пяти раз понял, что лежать значительно легче. И приятнее. И, вообще, на улице пасмурно, в окно дует и обстановка явно не располагает. К тому же, Александра заглянула в большую комнату, где мучился муж, с вопросом:

– А чего это ты делаешь?

– Грязь с паласа собираю. Вот. – Леонидов со скрипом поднялся и торжественно вложил в ее ладонь белое перышко, которое рассматривал перед этим, прикидывая, стоит ли отжаться в шестой раз. – Пылесосить надо чаще.

– Надо чаще вспоминать о том, что ты толстый, – Александра дунула на перышко, и оно залетело мужу в рот, открытый для гневных ответных слов. Алексей сплюнул перышко обратно на палас и сказал вслед уходящей на кухню жене:

– Вот увидишь: со следующего понедельника я точно начну делать зарядку!

– Свежо предание! – откликнулась супруга. И, обернувшись, подмигнула: – Но верится с трудом.

– Литератор, – хмыкнул Алексей и с огромным облегчением снял свои замечательные синие трусы. До следующего понедельника.

...Он уехал с работы поздно. Даже позже, чем обычно, не в десять вечера, а в половине двенадцатого. День промелькнул словно один миг. В десять, как обычно, позвонила жена и спросила:

– Леша, ну ты едешь? Ужин греть?

– Да. Еду. Греть, – ответил он, заранее зная, что через полчаса она позвонит еще раз с этим же вопросом. Своеобразный ритуал. После третьего раза он обычно выбирался из осточертевшего офиса и шел к своей машине.

Добираться до дома ему было с полчаса, не больше. Но Леонидов с некоторых пор оставлял машину на платной стоянке. Осенью из его «Пассата» сперли магнитолу с колонками. Кто-то ловко расправился с сигнализацией и очень аккуратно вскрыл машину. Даже стекло оказалось не разбито. Леонидов спохватился, только увидев пустое отверстие там, где раньше был «Panasonic». И оставлять машину возле дома и дальше не рискнул.

Вот и пришлось теперь после получаса езды в теплой машине идти пешком еще минут двадцать с платной стоянки до дома. Можно было, конечно, подождать автобус, но, вспомнив свое отражение в зеркале в синих атласных трусах, Алексей тяжело вздохнул, и до самого верха застегнул молнию куртки. Ведь была же у него когда-то сила воли!

...Этих людей, сгруппировавшихся между своим подъездом и соседним, Алексей воспринял поначалу лишь как до-

садное препятствие. Он замерз как собака, пока шел, а эти деятели дорогу перегородили! Ночь на дворе, а возле дома родного целая толпа! Две милицейские машины, «Скорая помощь», его, Леонидова, бывшие «Жигули»... Год отъездил, еще бы не узнать! «Жигули»! Он же их Сереге Барышеву продал этим летом, когда купил свой четырехлетний «Пассат»! Можно сказать, практически подарил. По старой дружбе.

Почти двухметрового Серегу Барышева было труднее не заметить, чем заметить. Дамочка, к которой он нагнулся, пытаясь расслышать ее сбивчивую речь, выглядела словно растерявшаяся школьница. «Мы любили дядю Степу за такую высоту...» – невольно вспомнил Алексей и усмехнулся. Нет, дамочка Барышеву готова сейчас не в любви признаться, а сковородкой его по голове треснуть. Если достанет, конечно. Ведь полпервого ночи! Дамочке, бедняжке, небось спать сейчас охота. Как и ему, Леонидову.

Алексей зевнул и громко крикнул:

– Барышев! Серега!

Тот легким движением руки смахнул с дороги дамочку и кинулся к другу:

– Леха! Привет, коммерческий! Я думал, ты уже спишь! Вот, стою и раздумываю: подняться к тебе или нет? С одной стороны, Александра с Ксюшкой небось давно спать улеглись, а с другой...

– А что с другой? – насторожился Алексей.

– А с другой – вот, – Серега кивнул куда-то в сторону, и Леонидов заметил, наконец, голые женские ноги в луже с водой, а рядом яркий целлофановый пакет в желтых подсолнухах. Лицо и плечи лежащей на асфальте женщины широкой спиной загораживал эксперт. Леонидов сообразил наконец, что у его подъезда работает опергруппа.

– Труп? – спросил он и, не удержавшись, заглянул за спину эксперту. Как всегда, сработало любопытство профессионала. Сколько он в милиции-то отработал! Тем более что Алексей опытным взглядом сразу оценил необычность этого дела.

Женщина лежала на тротуаре и была целиком одета, только ботинки и носки с нее сняты, и голые синие ноги будто нарочно опущены в лужу с водой. Шрамы на ее лице и шее Алексея крайне удивили.

– Никогда еще такого не видел! Ясно, что не бритва, но и не нож, это уж точно. Раны какие-то странные. Такое ощущение, что лезвие было тупым. И почти в миллиметр шириной, а? Он ее не резал. Бил, что ли, с размаху?

– Давил, – поднял голову эксперт. – На последней стадии прижал к земле и этим металлическим предметом давил на шею до тех пор, пока жертва не перестала дышать. А вы, молодой человек, собственно, кто?

– Я здесь живу, – ответил Алексей.

– Свидетель? – тут же обернулся мужик в штатском, в котором Леонидов опытным глазом мгновенно вычислил стар-

шего группы. Барышев тут на подхвате, это уж точно. И вообще, как он здесь оказался? Леонидов отвел друга в сторону.

– Серега, а ты как здесь?

– Работаю.

– Не понял. Что значит работаешь?

– Леха, ты о чем-нибудь или о ком-нибудь еще помнишь, кроме своей фирмы? Я же тебе перед Новым годом звонил, сказал, что иду на работу в милицию. Опером.

– Да. Было. Теперь вспомнил. Но зачем? Тебе же в охране неплохо платили.

– Квартиру обещали, – хмуро сказал Барышев. – Сколько можно по частным хатам кочевать?

– Квартиру?! И ты поверил? Не смейся.

– Надо кому-то верить. А насчет денег... Так меня жена теперь содержит. – Алексею показалось, что Серега горько усмехнулся. – Ты же сам ее недавно директором филиала назначил. Ее целыми днями дома нет, и меня теперь не будет. Это называется современный брак: любовь по сотовому телефону и дети через Интернет. Чужие, на картинках. Смотри и радуйся.

– Да я как лучше хотел! Хочешь опером работать, работай, но почему именно в этом районе?

– Может, к тебе поближе захотелось быть?

– Так. Ладно. Я все понял, только мне домой пора. Сашка ждет.

– А может, глянешь? – Барышев кивнул на мертвое тело. – Кроме странных ран ничего больше не настораживает?

– Не хочу. Я ничего этого больше для себя не хочу! Ты понял? Если собираете показания со всех жильцов дома, то так и запиши: я только что с работы, можешь позвонить и проверить. Алиби у меня железное, жена из дома вообще так поздно никогда не выходит. У нас двое детей, если ты еще не забыл. Живых, не виртуальных. Так что свидетели мы никакие. Ничего не видели, ничего не знаем. Еще вопросы есть?

– С каких пор вы стали таким, Алексей Алексеевич?

– С тех самых.

– Ты же был лучшим. Да что там лучшим! Ты был человеком. Я-то с тобой без колебаний когда-то на чужую дачу полез! Когда тебе было нужно.

– Черт с тобой, – Леонидов снова приблизился к трупу. – Подвиньтесь, мужики.

– А вам чего, свидетель? – ощерился старший.

– Капитан? Майор?

– Капитан Степанов. Кирилл Семенович.

– Леонидов. Алексей Алексеевич. – И пока озадаченный капитан туго соображал, что перед ним за чин, Леонидов внимательно оглядел место происшествия. – Не похоже, что ее изнасиловали. И на ограбление не похоже. Сумочка на месте, пакет рядом валяется. А ботинки? Неужели он ботинки с собой унес?

– Вон они лежат, – качнул головой эксперт. – Снял и в сто-

рону отбросил.

– Ну, что скажешь, Леха? – напряженно спросил Барышев.

– Ничего не скажу. Тухлое дело. Не изнасилование, не ограбление. А раны такие, что на маньяка тянет. Зачем он ее бил перед тем, как удушить? Или после? И что в пакете? Смотрели?

– Смотрели. Пол-литровый пакет кефира, 0,5 %, один йогурт, пара сдобных булочек и туфли.

– Туфли? Зимой? Покажи.

Барышев аккуратно вытащил из пакета с подсолнухами черную туфлю на невысоком удобном каблучке, показал. Алексей удивленно пожал плечами, покосившись на голую ногу убитой:

– Да. Туфля-то размера тридцать девятого. А у этой ножка маленькая. Как у Золушки. И не в подарок маме купила, туфля-то старая, стоптанная. Набойки совсем отесались. Чепуха какая-то. Хочешь, Серега, чаю?

– Чаю?! Тут еще работать и работать!

– А мне завтра работать. У нас с тобой, Барышев, графики теперь разные.

– Жаль. Ну что ж, давай. Извините, гражданин, что задержали. – Серега козырнул, издевательски приложив руку к своей черной кожаной кепке.

– Клоун. – Леонидов решительно направился к своему подъезду и вдруг, обернувшись, спросил: – А долго она кричала?

– Не знаю, долго или недолго, но громко, факт. Видишь, сколько народу из дома выбежало? Но, сам понимаешь, пока решали, бежать – не бежать, пока оделись, пока спустились... Словом, скрыться он успел. И никто конкретно описать убийцу не может.

– Странно. Очень все это странно.

И, отвернувшись от оперативников, чтобы окончательно уйти, Алексей услышал, как капитан Степанов спросил Серегу Барышева:

– А кто это был? Что за сноб?

– Да так. Приятель.

Приятель!!!

...Злость на Барышева клокотала в Алексее долго, он даже уснуть сразу не смог. Нет, вы слышали? Приятель! Что он для Сереги не сделал? Небось, когда устраивался на работу именно в это отделение милиции, всерьез рассчитывал на помощь друга. Его, Леонидовским, умом сделать карьеру. Нет уж, дудки. Был когда-то оперуполномоченный Алексей Леонидов, да весь вышел. У него теперь фирма. А пионерский задор, он в определенном возрасте хорош. В пионерском. Жаль, что Барышев этого еще не понял.

Утром за завтраком жена спросила:

– Ты чего такой хмурый? И почему вчера так задержался? До глубокой ночи?

– Да так. – И Алексей не удержался: – Барышева встретил.

– Сережу? Где?

– Возле дома. Представляешь, он теперь опером работает!

– Я знаю, – спокойно сказала жена.

– Знаешь? А почему мы с тобой это не обсуждали?

– Потому что мы последнее время вообще с тобой ничего не обсуждаем. Давно хотела тебя спросить...

– Ну-ну, договаривай.

– Ты торопишься. Как всегда. Потом как-нибудь... Так что Барышев?

– Вчера возле нашего дома женщину убили.

– Да ты что?! – охнула Саша. – А я еще подумала: кто же это так кричит? Ужас какой! Убили женщину! Просто кошмар!

– Ты в окно выглядывала?

– Я? Да, выглядывала, когда слышала крик. Но спускаться не стала. У меня же Ксюшка на руках!

– Ты его видела?

– Темно, высоко. Но что-то видела.

– Барышев вчера по квартирам ходил. Свидетелей опрашивал.

– А почему к нам не зашел?

Алексей промолчал, и, оставив недопитым кофе, поднялся из-за стола.

– Почему к нам не зашел? – настойчиво переспросила жена.

– Потому. Все, я пошел. Пока. До вечера.

– Леша!

– Ну что еще?

– Я тебя не узнаю.

– Все меня последнее время не узнают! – Ксюша выползла на папин крик из своей комнаты и громко заревела. Жена кинулась к ней, а Леонидов повторил уже злым шепотом: – Все меня последнее время не узнают! То я толстый стал, то уже не человек! А я просто работаю! Понятно вам всем? Работают!!!

И, схватив с вешалки куртку, он пулей выскочил за дверь.

... все цветы мне надоели

Лилия испокон веков означала чистоту и непорочность. Непорочность помыслов и дел. Может быть, попробовать с лилией? Раз она с таким отвращением отвергала и розу, и маргаритку. А что плохого может быть в розе? Во все времена и у всех народов роза означала только одно: любовь. Ветка розы на языке цветов это вечное «да». А если она ярко-красная, сияющая, полностью распустившаяся? Символ искреннего расположения, что тут не понять?

Да, да, да. Какое наслаждение слушать это «да»!

И с каким сожалением пришлось отвергнуть розу! И вот она – лилия. Белая лилия. Цветок по нынешним временам безумно дорогой. Вырастить его непросто и достойный букет с ним составить непросто. Что там записано в конспектах?

Один из основных элементов составления букета — это цвет. Желтый цвет контрастирует с голубым и усиливает его, а зеленый глушит. Желтый и красный выступают ярче на черном фоне. Высота букета должна в полтора раза превышать высоту вазы. Но это все конспекты. Всего-навсего записи лекций. Можно выучить их наизусть, можно перечитывать каждый день. Можно линейкой измерять углы и расстояния и строго следовать рекомендациям специалистов. Кто начисто лишен вкуса, тот заплатит и не поймет. Но тот, кому все эти углы, наклоны, сочетания цветов и прочее даны от природы, только рассмеется, и будет обидно. Очень обидно.

Потому что чувствовать гармонию — это дар божий. И, глядя на все это многоцветье, безошибочно и без всяких конспектов выбрать лишь идеально дополняющие друг друга растения — тоже дар. И никакая линейка здесь не поможет. Потому что красота — это прежде всего душа. Песнь души. И каждый поет ее по-своему. Одни стихами, другие нотами, третьи цветами. У красоты много языков, и все они международные. Одни поют, другие слушают. Кто кем родился, творцом или зрителем.

Я всю жизнь стремился быть певцом красоты. Так почему же меня не понимали? Что во мне не так?

Значит, просто не дано. Нельзя же все время красть чужое. Все эти лилии, розы, маргаритки... Они живые, и с ними так тяжело! Может, попробовать с чем-нибудь мертвым? Душа-то просит. Она все время ищет свою песню.

Нет, надо заканчивать с этим делом. Если уж так все пошло, то надо заканчивать...

Совість у Алексея проснулася где-то к обеду. Еле прожевывая в кафе плохо прожаренный бифштекс, коммерческий директор грустно подумал: «А все-таки я свинья». Серега оставался единственным другом, который еще хоть как-то поддерживал с Леонидовым связь. Звонил, заезжал и просто помнил о дне рождения Алексея и о его маленьких семейных праздниках. Остальные приятели исчезли буквально за последний год, потому что было не до них. Работа, болезни маленькой дочки, бесконечные домашние дела. И с той дачей тогда, действительно, нехорошо получилось. Вместе ведь лезли. Так хотелось этого писателя на чистую воду вывести! Сочинитель, мать его! И ведь вывел же. С помощью Сереги. А теперь свинничает.

И, проглотив наконец последний кусок бифштекса, Алексей достал из кармана сотовый, чтобы сообщить Анечке Барышевой, что собирается заехать после обеда к ней в филиал. Посмотреть, как идут дела, ну и заодно поболтать.

– А как там Серега? – первым делом спросил он, добравшись до филиала.

– Работает, – улыбнулась Анечка.

– Да я знаю, что работает. Вчера только встретились с ним. У трупы.

– Где?!

– Разве он тебе ничего не рассказывал? Возле моего дома женщину убили.

– Нет, ничего не рассказывал, – упавшим голосом сказала Анечка.

– И про меня?

– Что-то случилось? – Алексей понял, что друг не предал. Жене о леонидовской трусости и уклонизме рассказывать не стал.

– Ничего. Он сейчас на работе?

– На работе.

– Дай-ка мне номер его телефона. Позвоню Сереге, а потом займемся делами филиала.

– Да у нас все нормально.

– А должно быть отлично. Лучше всех, больше всех. Нелзя на месте топтаться. Я тебя все время другим в пример ставлю как лидера продаж. Так что требуй что-нибудь, не стесняйся. Поддержу.

Алексей улыбнулся Анечке и с телефоном отошел в сторону. Барышев отозвался сразу:

– Оперуполномоченный лейтенант...

– Вольно. Капитан Леонидов у аппарата.

– Леха?! Слушай, я рад. Ты извини за вчерашнее. Я все понимаю.

– За сегодняшнее. Дело-то уже ночью было. Вам, оперуполномоченный Барышев, надо быть точнее. Это первое правило сыщика: не пренебрегать мелочами. Черт с тобой,

извиняю. И за завтрашнее заранее извиняю тоже.

– За завтрашнее?

– Ну да. Я ведь решил тебе помочь, Серега, поэтому придется с тобой общаться. А ты парень бесцеремонный. Из-за огромного роста, наверное. То, что для тебя безобидно, другому ой как бо-бо.

– Леха! Я...

– Проехали, не тормози. Скажи лучше, как у тебя дела? С убитой женщиной?

– А никак. Чиста, аки лист белый. Недаром Лилией звали.

– Как?!

– Ли-ли-ей. Повторяю по буквам: первая «Леня», вторая «Ирочка», третья снова «Леня», четвертая снова «Ирочка»...

– Пятая «Барышев, я не глухой». Просто удивился. Слушай, ты бы заехал ко мне.

– Куда?

– Да хоть на работу.

– А что я от тебя там услышу в перерывах между телефонными звонками? У тебя в кабинете сколько аппаратов-то стоит, коммерческий, два, три?

– Один. Плохо у тебя, Барышев, с предметом «оргтехника», учи матчасть. Сейчас телефоны в офисах многоканальные. У меня предложение: я сейчас у твоей жены в филиале.

– Ревную.

– Ко мне или к филиалу?

– К обоим.

– Так вот: ты приезжай. Пока доберешься, как раз будет конец рабочего дня. И жену наконец увидишь, и ревность полечим, и о деле поговорим.

– Идет, – обрадовался Серега. – Слушай, а почему ты удивился, когда узнал, что убитую Лилией зовут?

– Вот об этом и поговорим. Отбой.

– Есть! – в трубке раздались гудки.

– Скоро муж придет, – улыбнулся Леонидов Анечке. – Рада?

Она порозовела. Алексей с усмешкой подумал, что видел в жизни лишь двух легко краснеющих женщин: Анечку Барышеву и свою жену. Интересно, а часто они друг другу звонят?

– Давай, Анна, рассказывай, – он уселся рядом с ней на стул и, шелкнув мышкой, открыл балансы постоянных клиентов филиала...

...Когда приехал Барышев, Алексей сказал ему со вздохом:

– Больше всего на свете мне не хотелось бы сейчас услышать, что убитая девушка работала продавщицей в цветочном павильоне. В фирме, принадлежащей некоему Николаю Лейкину. Но ты ведь именно это мне сейчас и скажешь. Ведь так?

– Так, – удивленно кивнул Серега. – Откуда знаешь?

– Хочешь верь, хочешь нет: интуиция.

– Ну что она цветы продавала, об этом еще можно догадаться. Раз Лилия. А насчет Лейкина? Ведь это невероятно!

– Про дедуктивный метод слышал? – таинственно понизив голос, сказал Алексей.

– Ну.

– Есть новейшие разработки в этой области. Фамилия цветочного магната складывается из первой буквы имени убитой, притяжательного местоимения «ей» и трех первых букв слова «кинули».

– А имя?

– Имя я только предположил.

Минуты три Барышев напряженно раздумывал, потом обиделся:

– Кончай заливать. Если бы ты не был мне другом, я бы тебе...

И он сжал огромный кулак. Леонидов очень кстати вспомнил, что Серега имеет спортивный разряд по многим видам спорта. В данном случае особенно следовало подумать про дзюдо.

– Я пошутил, – он тут же сделал обходной маневр. – Дело было так. Прогуливаясь в это воскресенье с ребенком от первого подъезда ко второму, я встретил своего бывшего одноклассника Николая Лейкина, приехавшего навестить приболевшую продавщицу. Мы минут десять постояли, поговорили о том о сем, потом Лейкин дал мне свою визитку и ушел.

Взять на работу в цветочный павильон девушку по имени Лилия очень в Колькином духе. В школе он был романтиком. Да и сейчас... – Алексей слегка кашлянул: – В общем, своеобразный парень.

– Что ж. Значит, ты этого Лейкина знаешь?

– Знал. Когда мы школу-то закончили?

– И телефончик свой он тебе, конечно, оставил?

– Конечно, оставил. Ведь мы одноклассники.

– Это хорошо, – хмыкнул Серега. – Потому что Лейкин – единственная наша зацепка. Иными словами, фигурант. У него с покойной был роман.

– А туфля?

– Что?

– Чей туфля?

– Понятия не имею!

– Что, так никому и не подошла?

– Леонидов, ты что, Золушку мне предлагаешь искать? С тридцать девятым размером ноги?

– Какой размер обуви у ее матери?

– Вот, прихватил на всякий случай. Вдруг да поможет?

Взгляни.

Барышев достал из кармана пачку фотографий:

– Она такого же роста, как и ее дочь, примерно сто пятьдесят пять сантиметров. И ножка маленькая.

Большинство из снимков были семейными. Алексей внимательно начал их разглядывать. Это было какое-то карли-

ковое семейство: маленькая мама, маленький папа, маленькие дети, потому что все члены семьи мужского пола были не намного выше Лилии. А ее саму Алексей узнал с трудом. Девушка на фотографии была юной и милой, хотя и некрасивой. Не то что труп с ногами в луже, даже повидавшему виды Алексею показавшийся ужасным с этими странными шрамами на лице.

– Сколько ей было лет?

– Двадцать три.

– Двадцать три?! А вчера выглядела такой старой!

– Смерть, знаешь, никого не красит. Тем более такая. Она, между прочим, всю жизнь прожила в твоём доме. С родителями и братом. Ты должен был часто ее видеть, – тихо сказал Барышев.

– Ну не помню я ее! Не помню, и все! Некрасивая девица, маленького роста, наверняка тихоня. Глазки в землю, непременно вежливое «здравствуйте». Может, Сашка ее и знала. Но я-то в этом доме не так давно живу!

– Не ори. Кстати, а почему ты вчера был не на машине?

– Ха! Так она теперь ночью на платной стоянке! Потому что магнитола у меня, по-русски говоря, свистнули.

– Вот. А дело это теперь на меня повесили. Об ограбленных машинах. В вашем дворе это, между прочим, частенько происходит. Когда магнитолам того самого. Ноги приделывают. А почему ты, гражданин Леонидов, в милицию не заявил?

– Потому. Я прекрасно знаю, какой шанс найти вора. И не хочу терять драгоценного времени.

– Вот она, значит, теперь какая, твоя гражданская позиция!

– Мне уже стыдно, – ехидно сказал он. – Но не до такой степени, чтобы я подал заявление, так ты особо не старайся. Давай по существу. Что у тебя есть кроме Лейкина?

– Ни-че-го. Ты прав на сто процентов: тихоня, скромница, внешность ниже среднего, никаких особых талантов. Не было ни одного повода, чтобы ее убивать. Дружная семья, мама, папа, я. И братик. Студент-очкарик. Квартира трехкомнатная, достаток средний. Лейкин своим девицам неплохо платит, между прочим.

– Как он за ней ухаживал?

– А я знаю?

– А вот узнай. Тебе непременно надо узнать, во-первых, чьи туфли были в пакете...

– Опять!

– Черт, что там еще было? Кефир, йогурт и две сдобных булочки?

– Да.

– А живет с родителями и братом?

– Ну да.

– А на работе у нее ты был?

– Был.

– Там тепло, холодно?

– Нормально.

– Да тебе-то, может быть, и нормально. Медведь. Обойди все Лейкинские павильоны.

– Зачем?

– Температуру воздуха выясни, вот зачем. А причину я тебе потом скажу. Черт, придется, видимо, моей жене заняться икебаной.

– Ты все время слова какие-то неприличные говоришь, коммерческий. А этого Лейкина, между прочим, можно просто взять за грудки и как следует потрясти. Он и расколется.

– Что ж, потряси. Признание в убийстве ты, может быть, и вытрясешь. А вот истину вряд ли. А если это не он? Если это и в самом деле маньяк?

– Да? Маньяк? Одной жертвы? Маленький такой маньячок. Исполосовал девчонке лицо и шею, снял ботинки, опустил ноги в воду и успокоился.

– погоди, Серега, еще не вечер. Еще не вечер... – с грустью повторил он. Интуиция сыщика Алексея редко подводила.

Вечером Алексей, словно бы невзначай поинтересовался у жены:

– Сашенька, а ты знаешь, что такое икебана?

– Допустим, что знаю. Неужели и ты тоже знаешь? Слово не из твоего лексикона.

– Милая, да ты считаешь меня дураком!

– Лешенька! Ты последнее время все больше о кредитах и процентах. Мне иногда даже кажется, что рядом со мной в постели не муж лежит, а книга бухучета «Алексера», – ехидно сказала жена. – И вдруг этот талмуд заговорил об искусстве создавать цветочные композиции! Милый, ты не заболел?

– Здоров. Так тебе это интересно?

– Очень!

– Честно?

– Мне безумно интересно. Как и все, что *не касается* твоей работы.

– Так вот, – торжественно сказал Алексей: – Ты не хотела бы заняться икебаной? Это ж такая радость творчества! Такое счастье!

– Уже занимаюсь. Моя самая удачная композиция пятнадцать минут назад уснула наконец. И я счастлива.

– Да что ты говоришь? – тут же встрепнулся Алексей. –

Ксюша уснула?

– Да.

– А Сережа?

– И Сережа. Уже одиннадцать часов, а у него первая смена. Я его предупредила, что в больное горло больше не поверю. Так что, займемся икебаной?

– Само собой. Как хорошо, что у нас трехкомнатная квартира! Черт, Барышев прав: в самом деле, слово какое-то неприличное.

И он развернулся к жене, пытаясь одной рукой дотянуться до кнопки и выключить бра, а другой расстегнуть пуговицы на ее халате. Радость творчества захватила его вполне.

...Он позвонил Лейкину с работы. Вечером, уже после девяти, подумав, что цветочный бизнес не требует от хозяина присутствия в рабочем кабинете до полуночи, и Колька уже расслабляется дома перед телевизором. Трубку взяла недовольная женщина:

– Алло? Говорите.

– Николая, пожалуйста.

– А кто его спрашивает?

«Друг детства», – хотел было ляпнуть Алексей, но сдержался и высказался вполне официально:

– Леонидов Алексей Алексеевич, коммерческий директор фирмы «Алексер». По делу. Срочно.

Видимо, женщина слегка напугалась, потому что Лейкин подошел к телефону не сразу, и голос у него был напряжен-

НЫМ:

– Слушаю вас.

– Коля, это Леша Леонидов. Ты мне свою визитку остав-
лял.

– А! Леша! А мать черт знает что наплела!

– Ты прячешься, что ли? К телефону сам не подходишь?

– Не. Другое. Ты насчет денег?

– Каких денег? Нет. Слушай, Коля, жена моя скучает. Вя-
зать у нее глаза болят, сериалы надоели. Вот психотерапевт
и посоветовал для успокоения нервов заняться чем-нибудь
отвлекающим. Созидательным. Икебана, говорят, подойдет
идеально. Ты как насчет икебаны? Ты же этот, как его, фло-
рист. Это как-то связано?

– Леша! Да ты даже не представляешь себе, как это здо-
рово! Это же в каждой веточке, в каждой травинке отражена
сама великая Мать-Природа! Это же творчество с большой
буквы!

– Согласен, – без энтузиазма сказал Алексей. После вче-
рашнего «созидания» он не выспался и теперь думал о лю-
бом творчестве с глухой тоской. Но быстро спохватился: –
Коля, а у тебя книги есть? Про *это*?

– Само собой! Сколько хочешь!

– Так я к тебе заскочу на днях?

– Буду рад.

– Ты все в том же доме живешь или тоже переехал?

– В том же.

– С мамой?

– Да.

– Номер квартиры напости. Я на память не жалуюсь, но сколько лет-то прошло!

Алексей подумал, что в выходные обязательно заедет к своей матери, а заодно и к Лейкину на пару минут заскочит. Взглянуть на всю эту икебану. Если человек убивает женщин с именами цветов, должны же у него быть хоть какие-то странности? Почему-то Алексей так и подумал: женщин, а не женщину. Проклятая интуиция!

... все цветы мне надоели

Подумаешь, какая оказалась недотрога! Ей дело предлагают, а она вздыхает и глазки к небу! Как в детской игре, честное слово! Все цветы мне надоели, кроме... Лилия!

– Ой!

– Что с тобой?

– Влюблена!

– В кого?

– В садовника.

Ха! Да рассказать ей про этого типа всю правду, так сама бы сбежала! Она еще дома у него не была! И, вообще, все они сволочи и мерзавцы. Мужчины. И незачем так кидаться на шею к первому же, кто обратил на тебя внимание. Девочка подумала, что этот козел в нее влюблен! Бедняжка! Господи,

какой наив!

Вообще-то, мир принадлежит им, этим козлам. И надо как-то приспособливаться. Собственно, не так уж они мне неприятны. Некоторые даже ничего. Почти ничего. Вот именно: ни-че-го! Ничего я к ним больше не чувствую! Надоело.

Но приспособливаться надо. Я мечтала когда-то, что, выкарабкавшись из грязной зловонной лужи, в которой живу, найду чистую, непыльную работенку, познакомлюсь с порядочным человеком. Богатым, разумеется. Машина там дорогая, квартира хорошая. Разумеется, москвич. И погружусь с ним в океан любви. Тоже была наивной дурочкой. Порядочных и богатых давно уже разобрали. Остались только богатые и с заскоками. Те, которых и за большие деньги терпеть не будешь. Недолго можно и то, если хорошо заплатят.

...Подумать только, он снова принес мне цветы! Да меня от них тошнит! Как можно за несколько месяцев уже устать от работы? Оказывается, можно! Последнее время я постоянно чихаю. Может, пыльца? У меня на нее, похоже, аллергия. Руки стали ужасными, ничего не помогает, никакие крема. Мне кажется, что все только и смотрят на мои руки. И догадываются о моей профессии. Черт, клиент пришел!

...Так вот: я решила ей все рассказать. Сколько можно? Пора и настоящим делом заняться. Среди мужчин ведь тоже

есть любители экзотики. Одни любят розы, а другие и на лилию могут запасть. Символ чистоты и непорочности. Опять я думаю о цветах. Они повсюду, в вазах, в горшках, на прилавке и даже на полу. Я обрезаю увядшие цветки гипсофилы и они сыплются на пол, как снежный дождь. Подбирать их нет смысла, это не товар, а отходы. И я тоже теперь – отходы.

Как же я хочу отсюда уйти! Не в силах я больше смотреть каждый день, как другие мужчины делают другим женщинам праздник! Неужели кого-то любят? Настолько, что готовы выбросить деньги на ветер. Сколько дней простоят эти цветы? С моим умением впаривать – одну только ночь. Которая для кого-то станет ночью любви.

Нет! Это ложь! Они делают это затем же, зачем он приносит цветы и мне! Чтобы их грязные деньги пахли ландышами или розой! Но они по-прежнему пахнут деньгами. Грязными деньгами. А я по-прежнему их беру. Хотя слово себе давала, что не буду, что надо остановиться наконец!

...Она сама виновата. Берегла себя, берегла, вот и умерла непорочной. Надо было раньше со мной пойти. А ведь это, должно быть, обидно, умереть девственницей? Все это понимают и все спешат. А ей непременно замуж сначала хотелось. Замуж!

– Лилия?

– Ой!

– Что с тобой?

– Влюблена!

Быть может, я не права и от этого мне так страшно? Я хожу и все время оглядываюсь. В моей жизни было много страшного, но умереть из-за того, что тебя назвали именем какого-то цветка? Ха-ха! Ведь именно ему я обязана своей работой, этому имени. И знакомству с Лилией. И теперь я понимаю, что просто ей завидовала. Ведь мой цветок ничуть не хуже. «Я желаю тебе всего лучшего» – означает он.

Я действительно желала ей всего самого лучшего. Но вынуждена была ею воспользоваться. Не получилось. И может, это хорошо, что лилия так и осталась белоснежной?

Глава 2

Вика

1

Поговорив по телефону с Лейкиным, Алексей решил: пора домой. Разве можно столько работать? Не замечать, как быстро пролетает время, а приехав домой, поесть и мгновенно уснуть, чтобы на следующий день снова была только работа. А жить когда?

В машине Алексей только и думал об этом: когда жить? Смотреть интересные фильмы, ходить в театры, быть может, даже в музеи, которые он терпеть не мог, но их любила жена, интересы которой неплохо было бы разделять. А не то до развода дойдет. Надо ходить с ней на выставки, развлекать ее, а главное, встречаться с другими людьми. Не по работе. Использовать свободное время не затем, чтобы выспаться, а затем, чтобы узнать что-то новое. Алексей машинально взглянул на панель приборной доски: десять часов вечера, всего через два часа начнется новый день. Да, похоже, что сегодня жить он уже не успеет. И узнать что-то новое. Опять с понедельника?

Он некстати вспомнил про синие трусы. И в этот момент

завонил мобильник.

– Алло?

– Леха, ты где? Это Барышев.

– В машине.

– А машина где?

– Почти уже возле стоянки.

– Будь добр, загляни в третий подъезд, когда до дома доберешься.

– Что-то случилось?

– Случилось.

– Ты загадками не разговаривай. Подробнее.

– Подробнее некоторые в аварии попадают, когда по мобильному в машине много болтают. Еще влепишься в столб, а ты мне еще понадобишься.

– Корыстный ты человек, Барышев.

– А то! Жду. Отбой.

По тону и краткости лучшего друга Алексей понял, что Серега злой. Попросил заглянуть в третий подъезд. Неужели еще один труп? Значит, это все-таки маньяк? Поганое дело. Все дела с маньяками поганые. У каждого свой персональный заскок. Следовательно, к каждому нужен персональный ключ. А у тебя на связке одни отмычки. Вскрыть-то можно, да толку? Тут непременно надо разгадать секрет.

Алексей быстренько зарулил на стоянку, оставил там машину и на этот раз не стал геройствовать, запрыгнул в автобус.

Доехав до дома, мгновенно оценил обстановку. Милицейские машины и «скорая» стояли на этот раз возле третьего подъезда. Убийство Лилии произошло у первого, Алексей с семейством жил во втором. Его подъезд убийца по каким-то причинам пропустил, выбрал жертву сразу из третьего. Игра в чет-нечет? Алексей пошел на зов друга, а не домой.

– Куда прешь? Нельзя! – перегородил ему дорогу мужик в камуфляже.

– Меня ждут, – отмахнулся он.

– Прокуратура, что ли?

– Хуже. Эксперт по особо странным преступлениям.

– А такие есть?

– Уже есть. Новая штатная единица в милиции. Не слышал?

«Камуфляж» задумчиво покачал в руке резиновую дубинку. У спортсменов с чувством юмора плохо, а мужик явно спортсмен. Алексей уже начал опасаться за свое здоровье. Барышев появился вовремя.

– Леха? Здорово! Тут еще одна девица нашлась. Убита примерно с час назад.

– Аналогичный случай?

– Тот да не тот. Не знаю пока. Посмотришь? Проходи.

Барышев любезно открыл перед Алексеем тяжеленную дверь подъезда. Перед тем, как войти, он подмигнул «камуфляжу»:

– А ты не верил! Говорю же тебе: новую штатную единицу

ввели.

– Какую еще единицу? – подозрительно спросил Барышев, захлопывая дверь.

– Черт, чего темно-то так? – выругался Алексей, попав в маленький темный предбанник между первой дверью и второй.

– Ночь.

– Ага. Души человеческой. Электрического света не выносит, так и просит лампочки в подъездах бить. Где она?

– Вон лежит, – кивнул Серега на лежащее навзничь женское тело.

В подъезде за двумя дверями было светлее. Женщина лежала возле будочки вахтера. Крохотной комнатой, отгороженной простой фанерой, давно уже не пользовались. Когда-то здесь по очереди дежурили жильцы, но потом среди обитателей подъезда начался раздрай, и окно в будочке заколотили той же невзрачной фанерой. Алексей потрогал хлипкую дверь. Она тут же открылась.

– Замок давно сломали, – хрипло сказал Барышев. Отчего-то у него сел голос. Алексей понимающе усмехнулся: к такой работе еще надо привыкнуть.

– Интересно, кто это сделал, бомжи или наш замечательный во всех смыслах парень? Я имею в виду убийцу. Следов многовато. Популярное место, должно быть, вон, и банки изпод «джин-тоники» валяются. Хреново. А где все?

– Кто именно?

– Коллеги твои. Эксперта вижу, – Алексей кивнул на мужика, который притулился у почтовых ящиков и, не обращая на них с Серегой никакого внимания, похоже, дремал.

– Они свое отработали. Ждем труповозку.

– И ты мне только сейчас позвонил?!

– Ты же работаешь, – пожал могучими плечами Серега. – Что толку тебе звонить? Да и не положено. Мы тут все уже почистили, материал забрали, – деловито сказал он.

– А я, значит, на закуску, – обиделся Алексей.

– Коммерческий, выдохни, – примирительно сказал Серега. – Глянь: у нее такие же шрамы на шее, как и у первой. И на лице. Я тебя за этим и позвал.

– А кто она? Уже выяснили?

– Да. Паспорт в сумочке. Капитан Степанов, начальник мой, поднялся наверх. К мужу.

– К мужу?! Так она что, замужем?!

– А что тут странного?

– Как что? Первая-то девица!

– А с чего ты решил, что работал маньяк?

– Опыт мне подсказывает. Зачитай данные.

– Воробьева Виктория Сергеевна, тридцать девять лет. Прописана вот уже десять лет в этом доме. По адресу...

– Тридцать девять лет! Высокого роста!

Алексей покачал головой и обошел тело, внимательно осмотрел женские ноги в тяжелых зимних ботинках.

– А размер-то, а? Видишь?

– Тридцать девять-сорок, не меньше. И что?

– А то. Ты, Сережа, туфельку-то ей примерь. На всякий случай. Вдруг между ней и убитой позавчера белой Лилией все-таки было что-то общее?

– Ничего между ними не было общего! Ты сам только что это озвучил. Та маленькая, эта высокая, та не замужем, и вообще, как это поприличней выразиться? Словом, как сказал эксперт, половой жизнью никогда не жила. А эта замужем, двое детей, тридцать девять лет. Женщина в возрасте, – сказал Серега, которому не исполнилось еще и тридцати.

– В возрасте! – возмутился Алексей. – Имей совесть! Молодая еще женщина, надо говорить. – Серега скептически хмыкнул. – А чем это так пахнет?

– Пахнет? – Барышев принялся. – Не знаю, не чувствую.

– Эх ты, сыщик! Духами пахнет.

– Ну и что? От всех баб духами пахнет. Моя Анька каждый день на себя прыскает из флакона.

– Такими же?

– А я разбираюсь?

– Вот и узнай, что за духи. – Леонидов принялся. – Резкий запах. Резеда, что ли? Как ты, говоришь, ее звали?

– Виктория Сергеевна Воробьева.

– Виктория. Вика.

– Вот именно. Никаких цветов. И тут мимо.

– А это что? – Леонидов обратил внимание на целлофа-

новый пакет, разрисованный желтыми подсолнухами. Он валялся рядом с убитой. – А это что?!

– Пакет.

– А в нем?

– Продукты. Двухлитровая бутылка «Пепси», большой пакет чипсов, мороженое «Лакомка» четыре штуки...

– Странный набор для матери семейства. Хотя... Он желтого цвета. С подсолнухами.

– Кто?

– Не тупи. Пакет. Соображаешь?

– И что с того? Подумаешь: пакет желтого цвета! Да этих пакетов полно в супермаркете напротив! Полмикрорайона с этими подсолнухами ходит, так что, он их всех убивать будет, что ли?!

– Не знаю. Но пакет – это существенно.

– Леха, да ты сам подумай. Это же звучит смешно: между двумя убитыми женщинами была связь. А именно: из магазина, который работает круглосуточно (заметь: круглосуточно!), обе несли домой продукты в целлофановом пакете с картинкой «Подсолнухи»!

– Да. Именно. Кстати, обрати внимание: она обута.

– Обратил. Обута. А вдруг это вообще не он? Другой кто-то, а? И никаких серийных убийств.

– Эй, товарищ! – окликнул Алексей эксперта. Тот зевнул и открыл глаза.

Видя, что коллега на Леонидова не реагирует, подключил-

ся Барышев:

– Как думаешь, Ваня? Он или не он?

– Раны характерные, – лениво сказал эксперт. – Той же штуковиной душили.

– Давно в экспертах? – подозрительно спросил Алексей.

– Не-а. Я вообще-то педиатром хочу быть, – поделился сокровенным Ваня.

– А что за штуковина? – безнадежно спросил Леонидов у будущего педиатра. Да, с кадрами напряженка. Зарплата у бывших коллег маленькая. По этой причине и сам Алексей подался в бизнес. Семью-то надо кормить.

– А кто наверняка знает? – широко зевнул Ваня. – Железная. Я вчера как раз экспертизу делал. Следы металла на коже убитой девушки присутствуют.

– Прут? Железный прут? – оживился Алексей.

– Прут толще.

– Проволока?

Эксперт тяжело вздохнул. Все его мысли, похоже, были о детях, которых он хотел лечить, а не о трупах.

– А что вскрытие? – спросил Леонидов. – Первой девушки? Результаты готовы уже?

– Завтра перешлю официальное заключение. Вот ему, – Ваня кивнул на Барышева.

– А мне, по секрету?

– Вы вообще-то частное лицо. Хотя и очень знакомое. В органах работали, признавайтесь?

– Было.

– Так вот: у меня этих экспертиз каждый день...

– Маленькую какую-нибудь детальку, Ваня. Подсказку.

– А зачем вам?

– Была работа, стало хобби. Играю в Эркюля Пуаро, – серьезно сказал Алексей. Ваня хмыкнул и лениво протянул:

– Наличие небольшой дозы спиртного в организме.

– Пьяная была? – с надеждой спросил он. Пьяная женщина – это бросается в глаза. Ее могли запомнить.

– Небольшой, я сказал. Без сомнения, она где-то ужинала. И выпила совсем чуть-чуть. Вина красного выпила.

– Барышев, во сколько часов Лилия домой с работы ушла? – развернулся Алексей к другу.

– В семь.

– А убили ее в начале первого. Четыре с лишним часа. Где-то поужинала. С кем-то.

– Я же говорю: Лейкин.

– А здесь тоже Лейкин? – ехидно спросил Алексей.

– А кто? Только мотив пока не ясен. Но не тянет, Леха, на цветочного маньяка. Никак не тянет.

– Вика. Трава такая есть, между прочим. В поле растет. Или на лугу.

– Трава? – усмехнулся Барышев. – Фантазия у тебя...

За их спинами лязгнули двери большого лифта. Леонидов обернулся: капитан Степанов поддерживал под локоть тщедушного трясущегося мужчину в спортивном костюме.

Мужчина часто-часто моргал и все время шурился, пытаясь разглядеть людей, находившихся в подъезде. Алексей сразу понял, что у свидетеля слабое зрение. Другого никого не нашли, что ли?

– Вика? – неуверенно позвал мужчина. – Вика, ты где?

«Ах, это муж!» – догадался Алексей.

– Петр Александрович, вы держитесь. Сюда гляньте, только постарайтесь держаться. В обморок не падайте. Это ваша жена?

Мужчины расступились, муж Виктории Воробьевой неуверенно моргнул еще пару раз. Потом взялся рукой за сердце.

– Нитроглицерина ему! – крикнул капитан Степанов.

– Нету нитроглицерина, – сказал будущий педиатр.

– А что есть?

– Телефон, – флегматично ответил Ваня. – «Скорую» вызывать.

Степанов бросил на него уничижающий взгляд и, увидев, что Воробьев осел кулем у почтовых ящиков, отвел Барышева в сторонку. Алексей услышал, как начальник сказал Сереге:

– Убитая главным бухгалтером работала в коммерческой фирме. Семью содержала. А в фирме, между прочим, всю последнюю неделю были проблемы с налоговой инспекцией. Муж говорит, на Викторию хозяин сильно давил. Много знала. Вот тебе и мотив.

– Я ведь говорил: Вика, брось ты эту работу! Ведь не платят просто так больших денег! Не платят! – словно в ответ на эти слова запричитал Воробьев. Падать в обморок он, похоже, не собирался. Просто сидел и моргал своими подслеповатыми зенками.

– А сам на эти деньги жил, – еще тише сказал капитан. Алексей едва уловил следующую фразу: – Вместо того, чтобы самому пойти и заработать, проще каждый день говорить жене: «Брось эту работу». И сидеть дома, по-прежнему беря у нее деньги.

– Он не работает? – так же тихо спросил Барышев.

– Нет.

– Что, хозяина Воробьевой будем трясти?

– Само собой. Надо выяснить, что она такого знала? Много – это как-то туманно.

Алексей пожал плечами и направился к двери. Сами теперь разберутся. Фигурант нарисовался, а образ маньяка значительно потускнел. Будем считать, что его нет.

– Эй, Леха! – уже на улице окликнул его Барышев, который вышел следом.

– Я за него, – не оборачиваясь, сказал Алексей.

– Ты только не обижайся, но проблемы с бухгалтерией мне как-то ближе, чем пакеты с подсолнухами. Деньги – это мотив. А пакет – твоя фантазия.

– Я где-то слышал, что желтый цвет всегда связывали с изменой. Неприятный цвет.

– И что?

– И очень уж яркий. Запоминающийся. Значит, я свободен?

– Ладно тебе прикалываться. В общем, спасибо, Леонидов, – с чувством сказал Серега. – Ты настоящий друг...

– Но мы теперь как-нибудь сами обойдемся, – закончил его мысль Алексей. – Что ж, ставлю мою интуицию против твоего прагматизма, что тут дело в цветах, а не в бухгалтерии. Спокойной ночи. Малыши, – не удержался он оттого, чтобы не съязвить.

Серега только понимающе усмехнулся и пошел обратно в подъезд, к своему начальству.

Жена встретила Леонидова словами:

– Что опять случилось?

– С чего ты взяла? Все хорошо, – он поцеловал жену в щеку, тонко пахнущую ландышами, и спросил: – Как Ксюша?

– У нас-то все хорошо. А у тебя? Леша, только не ври мне!

– Снова женщину убили, – нехотя признался он. Слухи все равно дойдут, лучше самому это сказать. – На этот раз в третьем подъезде.

– И?

– Что и? Там Барышев.

– Леша, я боюсь! – испуганно сказала Саша.

– Чего?

– Я ведь тоже из дома иногда одна выхожу! Прошу Сережку с Ксюшкой с полчаса посидеть – и в магазин. А вдруг и на меня он нападет, этот маньяк?

– Ерунды не говори, – отмахнулся Алексей. – Во-первых, он поздно вечером «работает», во-вторых, убивает только...

И тут он замолчал. В самом деле, Виктория-то Воробьева замужняя женщина, имеющая двоих детей. А запах... Интересно, какие духи были у Лилии?

– Саша, у тебя есть желтый пакет?

– Какой пакет?

– С подсолнухами. Из соседнего супермаркета.

– Конечно, есть. Я туда часто захожу. Очень удобно: рядом с домом, работает круглосуточно, весь ассортимент...

– Выброси его, – прервал жену Алексей. – Этот пакет.

– Ты что, Леша?

– Срочно!

– Да почему?

– Я тебе сказал – выброси! И больше такие не покупай. И не выходи по вечерам из дома. Как стемнеет – никуда не выходи.

Жена молча поставила на стол тарелку с куриным супом и задумчиво помешала в кастрюльке тушеное мясо. Леонидов глотал обжигающий суп, и ему было не по себе. Не из-за супа, который супруга явно перегрела, а из-за этих чертовых пакетов с подсолнухами.

– Саша, а ты, часом, не знаешь мать убитой девушки? Лилии? Она ведь жила в соседнем подъезде, а ты у нас тоже старожил.

– Полину Михайловну? Знаю, конечно. Она нигде не работает и частенько сидит на лавочке у подъезда с соседками. Не сейчас, конечно. Летом, весной. Когда тепло. Я тоже там останавливаюсь, когда с Ксюшей гуляю.

– Женский клуб, да? – усмехнулся Леонидов.

– А что? Мужья же не хотят ни говорить, ни слушать о ценах на рынке, о детских болезнях, о...

– Хватит, хватит. Я просто хотел, чтобы мы, если вдруг встретимся с этой Полиной Михайловной, немного с ней по-

говорили. Я уверен, что в милиции она совсем не то расскажет.

– Почему?

– Потому, – отрезал Алексей. – Она усиленно будет вспоминать за что, по ее мнению, могли убить дочь. Подозрительных знакомых, нервных ухажеров, сомнительных подружек. А здесь все дело может быть в какой-нибудь мелочи.

– Что ж... Я слышала, завтра похороны. Хочешь, подойду, постою в толпе? Народу наверняка много будет.

– Вот и постой.

Когда жена ушла к маленькой дочке, Леонидов самолично обшарил всю кухню и, найдя несколько ярких желтых пакетов с картинкой «Подсолнухи», смял их и выбросил в мусорное ведро. От греха подальше.

...Случай поговорить с матерью убитой девушки представился ему в субботу. Время пролетело быстро. На этот раз они с женой пошли на прогулку вместе. Светило яркое, почти весеннее солнце, напоминая о том, что вслед за февралем должна же наступить весна. Чтобы люди не отчаивались, а ждали ее, надеялись и порадовались погожему дню после того, как два дня подряд сильный ветер горстями швырял в лицо холодную белую крупу.

Леонидовы возвращались из магазина и уже дошли было до своего подъезда, когда Александра толкнула мужа в бок:

– Леша, вон там, у соседнего подъезда, Полина Михай-

ловна стоит.

– Где? – встрепнулся Леонидов.

Две женщины, на которых ему указала жена, обсуждали что-то не слишком веселое. Лица у них были печальные. Одна, в черном шарфе на голове, все время промакивала глаза белым носовым платочком. Леонидов посмотрел на жену:

– Подойдем? Очень надо.

Ксюша сладко спала в своей коляске, и Саша согласно кивнула головой.

– Здравствуйте! – улыбнулась она женщинам, стоящим у соседнего подъезда. – Как здоровье, Полина Михайловна?

Та снова промокнула глаза носовым платком:

– Да откуда же здоровье, Сашенька? На одних таблетках живу. Горе-то какое! – И тяжело вздохнула: – Да ты, наверное, слышала.

– Ой, пойду я, – заторопилась ее собеседница. – Тесто я поставила для пирогов. Перестоится ведь.

– Это мой муж Алексей, – представила жена Леонидова, слегка толкнув его локтем в бок.

– Очень приятно, э-э-э... – тот сделал вид, что никаких справок о матери убитой девушки не наводил.

– Полина Михайловна, – подсказала женщина. – Что-то редко вас видно. С женой.

– Работа.

– Да. Работа. Про горе-то мое слышали?

Леонидов вздохнул и не нашел, что на это сказать. Слова

соболезнования застряли в горле. Не маньяком же пугать? Заговорила жена, сердечно выражая Полине Михайловне соболезнования по поводу смерти ее дочери. Леонидов напряженно раздумывал, как бы ему вклиниться в разговор и задать наводящий вопрос. О том, что его интересует.

– А вот я слышал, что в первом подъезде в среду тоже убитую женщину нашли, – наконец решился он.

– Ох! – тяжело вздохнула Полина Михайловна. – Похороны-то сегодня! Ты подумай: за две недели двое! Что ж творится-то, а? И куда только милиция смотрит! Ведь скоро выносить будут! Чего я здесь стою-то? Надо Викушу в последний путь проводить!

– А вы разве хорошо ее знали? – насторожился Алексей.

– А как же! Моя-то, Лиличка, почти год у нее работала!

– Как работала? – удивился он. – В одной фирме, что ли?

– В какой там фирме! – махнула рукой Полина Михайловна. – Моя-то была без образования. Потом уже на курсы пошла, как в цветочном магазине работать стала. На эти, как их...

– Флористов, – подсказал Алексей.

– Вот-вот. Букеты, значит, делать. А до того подрабатывала, где только могла. Вот Викуша и сговорила ее как-то за детьми присматривать. Двое ведь их у нее. Старшей-то девочке тогда уже тринадцать было, а младшей всего четыре года. Болезненная очень девочка, в садик нельзя. А Викуша как раз работу хорошую нашла. Главным бухгалтером.

– Постоите, – не удержался Леонидов. – У нее же, как я знаю, муж дома сидит. У меня друг в милиции работает, – попытался оправдать он свою осведомленность.

– Что ж, – вздохнула Полина Михайловна. – Петр не всегда ведь такой был. И он работал. Только человек простой, не при должности. А она женщина образованная. Яркая. Очень модная. Хорошо одевалась...

Леонидов вспомнил дорогую норковую шубку покойной, яркий цветной платок на голове. Слишком уж яркий. Да, такие сейчас модно носить. Только такая пестрота больше юной девушке к лицу. Похоже, что у покойной бухгалтерши были деньги, но не было вкуса. А женщина она, значит, модная была.

– ...Высокая, стройная, – продолжала меж тем Полина Михайловна. – Я Лиле всегда ее в пример ставила: у хозяйки своей учись. Как одеваться, как себя держать. И надо сказать, что и моей перепадало. Викуша, бывало, то духи ей свои подарит, то губную помаду. То еще какую-то косметику. Последний раз вот платок подарила. Один купила себе, а другой дочке моей, – женщина снова стала вытирать платочком глаза. – Это уже после того, как Лилия у нее работать перестала. Заходила иногда, по хозяйству помогала. Уже не за деньги, а по доброте. Дочка-то моя добрая девочка была. Добрая... Да... А Петр хоть и дома сидел, но все равно рука не женская. А Викуша целыми днями на работе. И по субботам, бывало, на работе. И на дом свои документы брала.

Балансы какие-то, отчеты.

— Значит, она до последнего времени делала Лилии подарки? — уточнил Леонидов. — И ваша дочь ими пользовалась? В смысле, вещами Виктории?

— Дарить-то Лиличке дарили, только... — снова вздохнула Полина Михайловна. — Как же: пользовалась! — вдруг вырвалось у нее. — Как лежало все на полке, так и лежит. И духи, и помада. Платок тот же. Я ей: почему не носишь-то? А она мне: «Мама, это не мой стиль». И то сказать: я уж боялась, что дочке замуж и не выйти. А тут сам хозяин стал за ней ухаживать.

Но про Лейкина Алексею дослушать не пришлось. Проснулась и завозила в коляске Ксюша, да из первого подъезда вышли две женщины в черных платках и направились напрямик к Полине Михайловне. Алексей понял, что ничего интересного узнать ему больше не удастся, и отступил.

— Пошли домой, Саша, — сказал он жене и толкнул вперед коляску. — Ксюшу кормить надо.

— Извините, молодой человек! — окликнула его вдруг одна из женщин.

— Да? — обернулся Леонидов.

— Вы не могли бы нам помочь? Всего несколько минут. Сейчас уже тело выносят и пока все на кладбище поедут, мы столы будем накрывать для поминок. Столов-то маловато. И стульев тоже. Не поможете моему мужу принести их из моей

квартиры? Со стульями-то он справится, а вот стол...

– Конечно. – Алексей обернулся к жене: – Справишься одна с коляской?

Та молча кивнула и поправила на Ксюше сбившуюся шапочку. Они покатали домой. А народ начал потихоньку подтягиваться к первому подъезду, двое мужчин уже выносили из него крышку гроба. Пропустив обложенную со всех сторон цветами Викторию, которая отправилась в свой последний путь, Алексей прошмыгнул в подъезд.

Вскоре он на пару с лысым мужиком, от которого слегка пахло алкоголем, заносил обеденный стол в квартиру Петра Александровича Воробьева. Ничего особо интересного он там увидеть не ожидал, но когда вошел, то понял, что ошибся...

... все цветы мне надоели

Как жить? Вика умерла. И как теперь жить?!

Она давно уже стала мне чужой. И зачем только она вышла за меня замуж? Может быть потому, что ей, такой волевой и сильной, был нужен слабый, послушный мужчина? Да, я слаб. Я похож на женщину. Она права. Как всегда права.

Она смеялась над моими женскими увлечениями. Над цветами, которые я обожал, над вышивкой гладью и крестиком, над тем, что я люблю готовить. Но в тряпках-то, которые я ей шил, ходила иногда? Ведь ходила?! Зачем же тогда

смеялась?

Как можно быть женщиной и не любить цветов? У моей мамы вся квартира была в цветах. Я просто привык к этому с детства. И в своей хотел видеть то же самое: уютный маленький рай, где пахнет душистой геранью, пышные традесканции свисают до самых плинтусов с аккуратных полочек, развешенных по стенам. Я сам делал эти полочки из неструганной березы. Слышите, сам! О, как тонка ее кожа, мгновенно слоющаяся и облезая в неосторожных руках! А мои руки, они очень и очень нежные. Мои внимательные, умелые руки. Но моя жена презирала эти полочки. И ни разу так и не полила мои цветы. За что мне это?!

«Ошибка природы», – смеялась она. – «Мой муж – ошибка природы». Но у природы не бывает ошибок. Даже супружеские пары она создает с удивительной гармонией. Тех людей, которым суждено встретиться и объединиться в одно целое. Потому что ничего никому не дается в полной мере. Сильным людям не хватает слабости, слабым – силы. И надо ценить эту гармонию, а не разрушать ее изо дня в день.

Я терпел, пока она не принесла обогреватель в мою комнату. Ведь у нас огромная четырехкомнатная квартира, зачем же так делать? Ну, хочет она с девочками спать в тепле, так кто же мешает? А у меня в комнате как раз сейчас цветет цикламен, или иначе, альпийская фиалка. Удивительное растение – он отдыхает летом, а с октября до марта пышными фиолетово-красными цветками радует глаз. Но растение

это капризное, и цвести может только в прохладных помещениях.

Когда жена выбрасывала крохотные черенки, принесенные мною из материнской квартиры, я терпел. Хотя для меня они то же самое, что маленькие дети. Они живые. Разве так можно? Выбрасывать, убивать. Все равно что убить новорожденных. Всякому терпению есть предел. Мой любимый цикламен... За что она его убила?

Вика, Вика, почему ты умерла? Да, ты стала мне в последнее время невыносима. Меня раздражала твоя работа, твои упреки, твое постоянное давление. Но я никогда не думал о том, как буду жить, когда тебя не станет. Я всегда был при тебе. А теперь остался при детях, которым надо что-то есть. Они не привыкли жить на мою скромную зарплату. А теперь, видимо, придется. И, если я сделаю еще раз что-нибудь дурное, то это будет только ради них. Ради наших с тобой детей.

Поэтому прости меня, Вика! Завтра же я выброшу из дома их все. Баночки с черенками, полочки, цветочные горшки... Все выброшу. Кроме цикламена. Который я буду выхаживать. В конце концов, ты права: нельзя превращать квартиру в оранжерею. С ними же столько хлопот, с этими растениями! Одни отцветают, другие зацветают, третьи болеют, четвертые требуют пересадки...

Все. Хватит. Кончено. Ради тебя, Вика...

Леонидов какое-то время с удивлением оглядывался в за-

ставленной горшками прихожей, а шагнув вперед, чуть было не споткнулся об огромную кадку с фикусом. Вот это да! Чего только в жизни не бывает! Цветов-то сколько! Прямо не квартира, а малый Ботанический сад!

– В большую комнату его занеси! – крикнул лысый мужик, подталкивая Алексея сзади крышкой стола.

– Да-да.

Леонидов стал разворачивать стол так, чтобы протащить его в дверь. И чуть не задел другую кадку. Что в ней росло, он так и не догадался. Нечто, похожее на пальму. Огромное, с резными листьями и стволом толщиной в детскую руку. Это нечто он все-таки задел столом и слегка помял. И, поморщившись, подумал, что это не страшно, потому что подобного добра в квартире и так хватает. Зеленых насаждений. Стоящих, висящих, выющихся и просто в зачаточном состоянии. В баночках с водой и маленьких горшочках. Когда с мебелью разобрались, его напарник подмигнул:

– Чего, мужик, помянем? – И не дожидаясь согласия, топтал на кухню. Там уже энергично орудовали три женщины в черном, раскладывая по тарелкам закуски, привезенные на заказ из ресторана.

Стоя рядом с пальмой, Леонидов принял из рук «напарника» рюмку с водкой залпом выпил, хрустнул маринованным огурчиком и спросил:

– А что, сосед с тобой выпивал?

– Петя-то? – тоже хрустнул огурцом мужик. – Не. Редко.

Еще по одной? Пока не остыла, – и он подмигнул.

– Мне не наливай. Сегодня гости обещали приехать. Надо лицо соблюсти, – соврал Леонидов.

– А я помяну. Эх, царствие ей небесное! Упокой Господь душу!

Мужик махнул еще одну рюмку водки и разоткровенничался:

– Петя-то малость того. Не в себе. И как с ним выпьешь?

– Как это не в себе? – насторожился Леонидов.

– В смысле, будто и не мужик. Скажи, какая чепуховина: цветочки разводить. Это ведь все он. Не баба его. – Сосед Воробьева выразительно кивнул на пострадавшую пальму и сплюнул. – Тьфу!

Налив и выпив следующую рюмку водки, он стал еще более разговорчивым:

– Эвано сколько здесь всякой пакости! Кладовочку можно сделать на месте этой кадки деревянной, а в кладовочке поставить выхаживаться бутыль, а в бутылки...

– А где он раньше работал? – перебил мужика Алексей. Тут все понятно: алкаш. – Муж бухгалтерши?

– Где? А в школе. Учителем.

– Учителем чего?

– Ха! Домоводства!

– Чего?!

– Поначалу, конечно, парням показывал, как табуретки клепать. Столярничал, значит. А потом та баба, что девкам

кулинарию объясняла, в декрет ушла. А с учителями нынче дефицит. Платят-то мало. Вот Петька и решил, того... Совместить. Табуретки со щами. Нравилось ему.

– Чего нравилось? – удивился Алексей.

– Чего! Домоводство! И шить, значит, он умеет и готовит отменно. С девками решил этими своими знаниями поделиться, – хмыкнул лысый.

– Зачем же тогда его жена няньку детям нанимала?

– Виктория-то? Ха! Зачем! Во-первых, Петьке назло. Мол, бабские дела должна баба делать. Во-вторых, чтобы муж бросил эту позорную работу и сидел дома. Мол, старшей дочери стыдно, что папа ее в школе показывает девочкам, как фартуки шить. Табуретки, мол, это еще туда-сюда, а уж щи с винегретами – это позорище! В-третьих, надо же ей было кому-то на жизнь жаловаться? Баба, она без этого не может. И денег полно. Вот возьми мою: как сядут на кухне с соседкой, и «ля-ля-ля», «ля-ля-ля». До ночи могут так просидеть, пока за той муж не придет. И по рюмочке запросто могут выпить под это дело. Что у меня отбирает после получки, то, значит, запросто потом может с соседкой употребить. Это я про водочку, – ласково сказал он. – И есть она, спрашивается, справедливость на белом свете?

– Справедливости нет, – согласно кивнул Леонидов.

– Вот и дожала она Петьку. Бросил он работу в школе, хотя и нравилось. А Лилька в цветочный магазин как раз устроилась.

– Значит, они с Викторией были подругами?

– Вроде того.

– И Лилия сюда просто поболтать заходила, а не по хозяйству помогать?

– Кому помогать-то? Петьке, что ли? Ха!

– А в ресторан они вместе с Викторией не ходили?

– Эва! В ресторан! Может, и ходили. Которые бабы на кухне сидят, языками чешут, а которые в кабак идут. Если при больших деньгах. А соседка мно-о-го зарабатывала. Нам такое и не снилось. Мы пролетарии всех стран. И друг с другом по-пролетарски соединяемся: бутылочка на столе, разговоры о житейском. Что, так и не выпьешь больше со мной? – с сожалением спросил лысый.

– Ругались они? Сосед с женой? – напоследок спросил Алексей, отрицательно мотнув головой на очередное приглашение выпить.

– Бывало. Петька-то все больше молчал. А она мертвого подымет. Голосище ого-го! Бой-баба. Тьфу, свят-свят-свят. Она же померла! Одним словом, плохо жили, – подвел итог лысый.

– Понятно.

Леонидов скептически оглядел стены прихожей, все увешанные березовыми полочками. А на них – цветы. Что ж, и его тоже можно понять. Петра Воробьева. Не так все здесь просто, как подумал недавно капитан Степанов...

...Дома за ужином Алексей словно бы невзначай поинте-

ресовался у жены:

– А ты могла бы любить и уважать мужчину, который преподает домоводство в школе?

– Домоводство? Любить и уважать? – переспросила та. – Видишь ли, Лешечка, это разные вещи. Любить можно кого угодно. И министра, и безработного. А насчет уважения не знаю. Наверное, нет. Что-то ненормальное в этом есть. Когда мужчина выбирает себе слишком уж женскую профессию.

– А когда женщина выбирает слишком мужскую? Тоже ненормально? Но почему-то такую женщину все уважают. Вот, мол, какая молодец! Феминизм, значит, на свете существует и процветает, а как, интересно, называется движение в защиту мужчин? За равные права?

– Такого движения нет. Во всяком случае, я о нем не знаю.

– И я не знаю! А это несправедливо!

– Ты опять завелся. Ты, Лешечка, стал очень уж нервный. Тебе в отпуск надо. Или сменить обстановку.

– Ага. Перейти из одной комнаты в другую. Поменять синюю мягкую мебель на коричневую в белую клетку.

– Как остроумно!

– Радуйся, что я еще шутить могу.

Жена хмыкнула, и Леонидов надулся. Дверному звонку они оба обрадовались. Первым в прихожую побежал Сережка и крикнул оттуда:

– Дядя Сережа Барышев пришел! Мама, тебе тортик принесли! А мне шоколадку! А папе? Что папе принесли?

Бутылку водки Барышев водрузил на кухонный стол крайне осторожно, украдкой покосившись на дверь маленькой комнаты. Александра как раз побежала укладывать Ксюшу.

– Как жена? – спросил он, присаживаясь на табуретку.

– Как и все жены. Муж сидит дома – плохо, денег мало. Денег много – плохо, мужа дома нет.

– А если мужа дома нет и денег мало, тогда как?

– Тогда, Серега, никак. Тогда развод.

– Типун тебе на язык! Что, с Александрой поругались?

– Нет. Все нормально. Разве я могу поругаться? Я само терпение. – Барышев скептически хмыкнул. – А ты специально к нам в гости или мимо проходил?

– Если честно, было одно дельце. Я здесь уже часа три брожу. Фотографию хозяина той фирмы, где работала Виктория Воробьева, жильцам показывал.

– И что? Результат есть? – оживился Алексей.

– Может, сначала выпьем? – и Барышев все также аккуратно начал открывать бутылку.

– А выпьем! Только потом расскажи, пока не напился: как успехи?

– Когда это я напивался? – обиделся Серега.

– Напомнить?

– Если ты про санаторий, то там все напились. Ты видел в Новый год хотя бы одного трезвого человека?

– Всякое бывало. Ты давай, ближе к делу.

– К делу так к делу. – Они чокнулись. Выпив водки, Се-

рега сказал: – Не хотел тебя расстраивать, ты же интуицию свою на кон поставил. Но этого Анашкина, Леша, опознали. В тот день, когда убили Викторию Воробьеву, он заходил в третий подъезд. Двое опознали: старушка со второго этажа и девушка, которая гуляла с собакой в тот вечер. Обе сказали, что мужчину этого в среду видели. Сто процентов. Он шел пешком от супермаркета. Сюда шел.

– Так. А что за фирма у этого Анашкина?

– Торгово-закупочная. Продукты питания оптом продают. Со склада.

– И машина у него есть?

– А то! И не какая-нибудь, а «Субару». Полный привод.

– Ого! А к подъезду главного бухгалтера, значит, пешком пришел?

– Да. Пешком.

– И обе женщины его запомнили? И молодая, и старая?

– Еще бы! Белое кашне, малиновое пальто, с букетом.

– И когда он сюда заходил?

– Вечером. Около девяти часов. А Воробьеву убили приблизительно в это же время. Анашкин запросто мог спрятаться в будке вахтера и подождать ее там.

– А вдруг он поднялся наверх и подождал ее в квартире? Вместе с мужем?

– Воробьев говорит, что ничего подобного. Никто к ним домой в тот вечер не заходил.

– А сам-то Воробьев дома был?

– Дома. А где еще?

– Это он тебе сказал?

– Ну да.

– Вот теперь, Серега, и я выпью.

– Где-то уже тяпнул? – подозрительно спросил Барышев.

– Я тяпнул по делу. Разливай!

Пока Серега разливал водку, Леонидов подумал, что не соврал сегодня соседу Воробьева насчет гостей. Пришли они, гости. Что ж, завтра еще один выходной, можно и выпить.

– Давай, – сурово посмотрел на него Барышев, подцепив на вилку маринованный белый гриб. – Рассказывай.

– Я сегодня совершенно случайно попал в квартиру Воробьева. И много чего интересного про него узнал. Не ладили они с женой. Скандалили постоянно, по словам соседей. А сама Виктория, между прочим, была подругой Лилии.

– Чепуха все это, – отрезал Барышев. – Анашкина опознали: факт. Проблемы с налоговой инспекцией на фирме были. Вдруг там крупными махинациями пахнет, а Воробьева не захотела единолично за все отвечать? Собралась показания на хозяина давать? Он ее и того.

– А Лилию тогда за что убили?

– Это надо подумать. В любом случае: можешь ты внятно объяснить, почему хозяин фирмы приехал к своей бухгалтерше, причем в то время, когда по идее должен быть на работе? Безвылазно, день и ночь. Там же налоговая шерстит!

– Пока не могу, – спокойно сказал Алексей. – А сам он что говорит?

– Пока ничего. Я его еще и не спрашивал. А теперь спрошу. А ты, Леха, забудь про свои подсолнухи. Кстати, у него в руке, у этого Анашкина, по словам свидетелей, был пакет. Тот самый, желтый.

– Гибискус.

– Что?

– Ты гибискус, Барышев.

– А кто это?

– Сам не знаю. Моя мать тоже одно время все черенки какие-то в глиняные горшки сажала. Но из всего цветоводства у меня осталось в голове только это слово.

– Вечно ты, Леонидов, какие-то неприличные вещи запоминаешь.

– Очевидно, такова особенность моего характера, – глубокомысленно изрек Алексей. И вдруг сообразил: – Слушай, если этот Анашкин был с букетом, то куда он его дел? Ведь никаких цветов возле тела Виктории Воробьевой обнаружено не было. Кроме подсолнухов на пакете.

– А с собой унес. Или когда обратно шел, в мусорный контейнер выкинул.

– А зачем тогда приносил?

– Откуда же я знаю? Ты у нас знаток человеческой психологии. Может, договориться хотел? По-хорошему? Мне в их фирме по секрету сказали, что когда налоговая пришла,

Воробьева большую часть отчетной документации увезла с собой. Припрятать. Вдруг отдавать не захотела? Он ее и того. А цветы выкинул.

– Ты узнай на всякий случай, что за цветы были в букете.

– Да иди ты знаешь куда со своими цветами?!

– Тише, ребенок засыпает!

– Иди ты знаешь куда? – повторил Барышев зловещим шепотом.

На кухню заглянула Александра:

– Пьете?

– Не. Уже закусываем, – подмигнул ей Алексей. – Хочешь присоединиться?

– Водку пить все равно не буду. Так посижу.

Жена налила себе чаю, разрежала вафельный торт. Потом спросила у мужчин:

– Чего же вы замолчали? Продолжайте.

– Саша, что такое гибискус? – невинно спросил Леонидов. – Я вот размышлял об этом на досуге...

– Кто?!

– Ги...

Александра замахнулась на него чайной ложкой:

– Помолчи! Я еще икебану не забыла!

– Все, о цветах больше ни слова, – подвел итог Барышев. – У Лехи богатая фантазия. Он в душах у людей все поэзию ищет, а там давно одна сплошная проза.

– А ты думаешь, у него самого она там осталась, поэзия? –

тихо спросила Саша.

Поэзия у Алексея в душе все-таки осталась, поэтому утром следующего выходного дня он повез семью в гости к своей матери. С корыстной целью: уговорить ее в следующие выходные посидеть с детьми. Пора вносить в семейную жизнь хоть какое-то разнообразие. Хотя бы в театр с женой сходить или в ресторан. Или в ресторан после театра. Нельзя запираť женщину в четырех стенах и требовать от нее после этого прежней любви и романтики в отношениях. Да и цветы не мешало бы подарить.

Обрадованная мать напекла домашних пирогов, накрыла на стол и тут же повела маленькую Ксюшу показывать папины игрушки. Леонидов оставил Сережку с женой в большой комнате и увязался следом. Любопытно было послушать.

– Деточка, это папин мишка. Да-да, папин. Ну-ка, скажи: па-пин ми-шка. Смотри, как он рычит: р-р-р... – Розовый медведь с оторванным ухом, которого нагнули вниз головой, что-то невнятно хрюкнул, и девочка восторженно запищала. Леонидов вздохнул и спросил:

– Мама?

– Да, Лешенька?

– Тебе с ней не тяжело?

– Отчего же мне с внучкой будет тяжело? Привозили бы почаще.

– Саша считает, что нехорошо тебя так обременять.

– Пожилых людей можно обременить только одиночеством, – вздохнула мать. – Даже если мы жалуемся на трудности, то это только чтобы почувствовать, что мы еще кому-то нужны.

– Тогда посидишь с детьми в следующие выходные? Я же ну в театр хочу сводить.

– А твоя-то что на это скажет?

– Конечно, скажет, что сама прекрасно справляется, и не хочет никому подкидывать детей. Даже на один день. Но я же вижу, что она устала. Конец зимы – плохое время. Если к однообразной погоде примешивается еще и однообразная жизнь изо дня в день... – Алексей не договорил, только рукой махнул.

– Смотри сам, Леша, – вздохнула мать. – Я не хочу вмешиваться в ваши отношения. Что, Ксюшенька, к маме пойдем? Девочка изо всех сил вцепилась в розового медведя.

– Пускай здесь поиграет, – сказал Алексей. – Пойдем, мама, чаю попьем. Пирогов домашних хочу. Твоих.

Он с грустью посмотрел, как дочка поволокла медведя по комнате за единственное целое ухо. Как давно это было: детство. Чем дальше, тем меньше из него помнишь. Когда это, интересно, он любимому медведю ухо оторвал?

– Мама, а что такое гибискус? – спросил Алексей.

– Гибискус? – удивилась мать. – Китайская роза.

– Тьфу! А я-то думал!

Леонидов вскоре набрался наглости и улизнул на полчаса из дома, оставив жену, мать и детей играть в лото. Раз уж он влез в это расследование, то надо доказать Барышеву, что дело тут не в романтике. И не в его, Леонидова, склонности к фантазиям. А в том, что если этот психопат действительно существует, то на свободе он очень опасен. И чем дальше, тем больше. Дело идет к весне, а весной, как известно, у них обострение.

Алексей все не мог поверить в то, что этим психопатом мог быть Колька Лейкин. Но не проверить его не мог тоже. Да, они вместе учились. Да, Лейкин сразу же предложил помощь человеку, которого не видел много лет. И впечатление от него у Алексея осталось, в целом, приятное. Это он собой был недоволен, потому что оказался снобом. Собой, а вовсе не Колькой Лейкиным, который приехал навестить больную цветочницу. Очень по-человечески. Правда, выяснилось теперь, что у них с цветочницей был роман, но в то, что Лейкин из ревности или из каких-либо других соображений мог так жестоко убить девушку, Алексею верить не хотелось. Только не Колька! Ведь в детстве и юности он был отчаянным романтиком. Хотя, когда оно было, это детство? Люди меняются.

...Квартира Лейкина во всяком случае сильно изменилась. Школьником Алексей здесь иногда бывал. Близкими друзьями они с Лейкиным никогда не были, но и соперни-

ками тоже. Даже на беговой дорожке. Тот проигрыш на соревнованиях был случайностью, и до того и после Алексей у Лейкина всегда легко выигрывал. А тот никогда не делал из проигрыша трагедию. И часто говорил:

– Это не мое.

Леонидов тоже не собирался стать профессиональным спортсменом. Но даже во всем, что было не его, привык выкладываться по максимуму. Потому что неизвестно, как жизнь сложится, и что именно в ней пригодится. Обернулась она неожиданно для обоих. Даже в самых бредовых своих фантазиях Леонидов никогда не видел себя коммерческим директором крупной фирмы, а Кольку Лейкина цветочным магнатом.

Но зарабатывал бывший одноклассник, судя по всему, на своих цветочках очень даже неплохо. То, что он сделал в итоге из обычной трехкомнатной квартиры, было достойно восхищения. Алексей помнил, что раньше, как только войдешь, здесь был длинный, узкий коридор, заваленный всяким хламом. Теперь стенку сломали, и большая комната оказалась, действительно, очень большой, просторной и отделанной то ли под пещеру, то ли под морской грот. Камни и камешки присутствовали в затейливом интерьере в изобилии. И коряги всевозможных размеров и степеней уродства. Ибо Леонидов никакой красоты во всем этом не находил. В корягах.

Он так и стоял в прихожей, прикидывая, на которую же из коряг пристроить свою куртку, а высокая женщина с ко-

ротко остриженными темными волосами рассматривала его напряженно и подозрительно.

– Мама, кто там? – услышал Алексей голос Лейкина.

– Это ко мне, – тут же среагировала женщина.

– Нет, я к Николаю.

– Вы кто? – Женщина загородила проход. Ростом она была даже чуть выше Алексея и очень широка в плечах. Обильная седина в ее темных волосах казалась нарисованной. – Кто вас послал?

– Да я сам по себе, – растерялся Леонидов. И попытался вспомнить, как же ее зовут, Колькину мать?

– Вы меня не обманете! Какая именно из шлюх наняла вас, чтобы передать записку Николаю? После того, как я полностью контролирую телефон?

– Анна Валентиновна! – Вспомнил наконец Алексей и облегченно вздохнул. Какой ценный капитал хорошая память! И повторил: – Анна Валентиновна, вы меня не узнали? Мы же с Николаем учились в одном классе!

– Да? – Она оглядела Леонидова подозрительно, но словно что-то припоминая. – В самом деле? Учились в одном классе? И как же вас зовут?

– Леонидов. Алексей Леонидов.

– Господи, конечно! Леша Леонидов! Леша Леонидов, Леша Леонидов, – повторила она несколько раз подряд и крикнула: – Коля! К тебе пришли!

И совершенно неожиданно спросила:

– А сестры у вас нет?

– Сестры? – Леонидов не переставал удивляться. – Нет, сестры у меня нет.

Она посторонилась наконец и даже достала из ящичка для обуви домашние тапочки. Женские или мужские, Алексей так и не понял: вся обувь в этом доме была одного размера. Тридцать девятого, как он прикинул на глазок. Две пары зимних ботинок стояли под зеркалом, и трудно было определить, какие принадлежат мужественной матери, а какие женственному сыну. Ибо вышедший в гостиную Лейкин выглядел весьма экзотично. В пестрой шелковой рубашке, бархатных штанах и с какой-то веткой в руке. На ногтях маникюр, на ветке красные ягоды. А на подбородке острый клинышек жестких волос, похожий на жирную черную кляксу.

– Леха? Ты?

– Я же тебе звонил.

– Да. Помню. Проходи в мою комнату. Я тебе что-то покажу.

«Боже мой! – с ужасом подумал Алексей. – А вдруг он и правда того? Нестандартной ориентации? Надо было Барышева к нему послать! Барышев, по крайней мере, красивый!»

А показал ему Лейкин в своей комнате какой-то глиняный горшок, в котором торчали две кривые ветки:

– Вот.

– Что это?

– Икебана. Творю. Ты же интересовался. Я, знаешь, увлекаюсь иногда. И как тебе?

Алексей глянул на это безобразие, стараясь не кривиться. Вообще-то, он не чужд был искусства. И даже к авангардизму относился с пониманием: надо так надо. Хотя чем-то люди заняты, одни экспериментируют, другие делают вид, что понимают. Но Лейкинский шедевр Алексей так и не понял, равно как и восторг. И осторожно сказал:

– Нормально.

– Ты не понимаешь. Тут главное – это правильная расстановка. Чтобы во всей силе проявилась Великая Мать Природа, которая отражена в каждом изгибе этого маленького шедевра.

Наманикюренным ногтем Лейкин любовно коснулся нароста на одной из веток, напомнившего Алексею лишай. Потом Колька взял линейку и приложил к ней ветку с красными ягодами:

– Ты понимаешь: основу композиции составляют три ветви, три элемента. Самая длинная, «син», символизирует небо, средняя, «соэ», – человека и маленькая, «хикаэ», – землю. «Син» в таком букете должна в полтора раза превышать размер вазы, «соэ» равняться трем четвертям «син», а «хикаэ» – трем четвертям «соэ». И еще угол наклона. Основная ветвь должна быть наклонена вправо под углом 45° , вторая влево под углом 15° , третья также вправо под углом 75° , и все три ветви наклонены вперед.

Он бормотал непонятные Алексею слова и при этом возился с линейкой, транспортиром, распорками и своими корявыми ветками. Леонидов уже пожалел о том, что пришел. Он почти начал терять терпение, когда Лейкин закрепил последнюю ветку в вазе и отошел назад, оглядывая композицию:

– Красота, а? Что скажешь?

– А мне? Можно?

– Что можно?

– Чуть-чуть поправить?

– Давай, попробуй, – слегка ошалел Лейкин.

«Не убьет же он меня?» – подумал Леонидов и решительно начал обламывать у одной из веток сучки. С особенным наслаждением тот самый, покрытый лишаем. Ему показалось, что Колька застонал. Алексей между тем отщипнул с пяток красных ягод и несколькими движениями порушил все правильные Колькины углы. Раскидал на глазок ветки в вазе и, довольно улыбнувшись, отошел:

– Так вроде получше. Что скажешь?

Колькино лицо Алексею не понравилось. «За лишайник обиделся», – подумал он. И вдруг услышал:

– Почему опять не я?! – Лейкин глухо застонал, но быстро взял себя в руки. – Ладно, хватит творчества, пойдем чай пить.

Столик был накрыт посреди каменного грота. Алексей долго вертелся в кресле, прежде чем понял, чего здесь не

хватает. Ведь денег в ремонт и интерьер вбухано много. И все коряги расставлены, без сомнения, с помощью той же линейки и транспортира. С соблюдением пропорций и углов. Души здесь нет. Холодно, неуютно, и вроде как даже сыро. Все сделано словно чтобы кому-то что-то доказать. А творчество – это не утверждение собственного «я», это его вечный поиск. Алексей думал именно так.

– Вы по-прежнему вдвоем живете, с мамой? – спросил он, размешивая сахарный песок в чае серебряной ложечкой. Анна Валентиновна возилась за тонкой перегородкой, на кухне. Леонидов не исключал, что она подслушивает.

– Да, вдвоем, – кивнул Лейкин.

– Развелся или закоренелый холостяк?

Колька поморщился, но от прямого ответа уклонился:

– Сложный случай.

– Слушай, а у нас ведь в доме двух женщин убили. По одной в неделю.

– Да. Я знаю, – Лейкин слегка побледнел. У него была такая манера волноваться.

– Жена сказала, что одна из них в цветочном магазине работала. Не у тебя, часом? – упорно старался добить его Алексей. И Лейкин не выдержал:

– Слушай, Леха, у тебя в милиции никого из знакомых не осталось?

– Знакомые? А что случилось?

– Оставили бы они меня в покое! – с отчаянием сказал

бывший одноклассник. – Ты не знаешь, кому надо дать?

– Что дать?

– Денег, чего ж еще! Я знаю: все берут. А у меня денег много.

– Я не понял: ты чего боишься-то?

– Чего боюсь! Да себя боюсь. Не выдержу, сломаюсь...

– Ты успокойся, Колька. Может, пойти и честно все рассказать?

– Рассказать? Не-ет. Слишком уж это легко. Рассказать. У меня не жизнь – дерьмо. Почему мы это с собой делаем, Леха?

– Постой. Ты где был-то в тот вечер? Когда Лилию убили? Алиби нет, что ли?

– Так ты что, знаешь, как ее зовут? А ты не врал мне, часом? Ты все так же в ментовке работаешь?

– Да я же тебе правду сказал: два года, как ушел.

– А откуда ты такие подробности про это дело знаешь?

– Да какие там подробности? Что ее Лилией звали? Да она в соседнем подъезде жила! Это весь дом знает!

Алексей вздрогнул, потому что за тонкой стенкой, на кухне раздался грохот. Лейкин кинулся туда. Должно быть, Анна Валентиновна нечаянно уронила какие-то кастрюли с полки. Или нарочно? Во всяком случае, когда Лейкин вернулся из кухни, разговор о смерти Лилии он поддерживать не захотел.

– А как мать? – сдавшись, спросил Алексей. – Все там же

работает? В Научно-экспериментальном хозяйстве? Цветы выращивает?

– Нет. Не работает. Уже давно на пенсии.

– Давно? На пенсии? – Алексей слегка удивился, потому что Анна Валентиновна не показалась ему настолько старой.

– Да какая разница? Я что, мало денег имею? За каким чертом мне ее работа?

– Слушай, а ты не знал, случайно, Викторию Воробьеву? – попробовал Алексей еще разок вернуться к интересующей его теме.

– Случайно знал, – нехотя сказал Лейкин. И, не удержавшись, подколот: – А ты еще говоришь, что не связан с милицией! Кому врешь? И зачем? Они еще в четверг прямо с утра пристали: «Где был в среду вечером, не был ли знаком с Викторией Сергеевной Воробьевой?» Обманул ты меня, Леха. Я когда визитку тебе давал, думал, что помочь надо. По-хорошему хотел. А ты обманул. Так вот, ты им скажи: я до последнего буду молчать. А с Викой меня Лиля познакомила. Что же тут криминального? Они ведь были подружки! Странная такая дружба. Никогда ее не понимал. Одной двадцать с небольшим, другой почти сорок, одна наивная девушка, а другая откровенная...

Леонидов испугался, что на кухне снова обрушатся кастрюли. Но Лейкин замолчал сам. Тему Виктории Воробьевой он тоже не собирался развивать. Алексей подумал, не сделал ли он хуже своим вмешательством Барышеву и след-

ствию? Ведь все равно ни черта не понял. Ни матери его, ни икебаны, ни «соэ» этого. Ишь ты, человек! Вверху, значит, небо, а внизу земля! Так бывает, когда крыша едет.

– Коля, а почему ты продавщиц на работу берешь с именами цветков? – подозрительно спросил он.

– Ты и справки обо мне успел навести? А? Друг детства?

– Не преувеличивай, не были мы никогда друзьями. И справок я никаких не наводил. Просто вдруг подумалось, что, раз была Лилия, значит, есть и Роза?

Тут уже Лейкин сам опрокинул на пол поднос с серебряными вазочками. В одной печенье, в другой шоколадные конфеты в ярких фантиках. Нагнулся, собирая их с ковра. Из-под стола глухо сказал:

– Не были никогда друзьями, говоришь? А что же ты тогда в душу ко мне лезешь? Хочешь узнать о том, в чем себе-то не всегда хочется признаться?

Леонидов тоже нагнулся туда, под стол:

– А что здесь такого личного? В Лилии и Розе?

– А твою жену как зовут?

Алексей распрямился, Лейкин вдруг тоже вынырнул из-под стола, зажимая в руке печенье. Глядя, как его сильные, гибкие пальцы с маникюром и серебряными кольцами крошат сдобное тесто, Леонидов поспешно сказал:

– Мою жену зовут Александра. Саша. Понятно? И желтых пакетов у нее нет.

– Каких пакетов? – прошептал Лейкин.

– Тех самых. С подсолнухами.

– Ты икебану-то свою возьмешь? – Лейкин сделал вид, что про подсолнухи не услышал.

– Нет. Она твоя. И, если хочешь, я тут еще пару коряг могу передвинуть.

– А что тебе в корягах моих не нравится? – разозлился Лейкин.

– А черт его знает! Не нравится – и все. Убого ты, Коля, мыслишь! Ты бы выкинул транспортир и сразу освободишься.

Алексей прекрасно понимал, что вот теперь он Лейкина обидел. И сильно обидел. Сделал он это намеренно, чтобы Колька сорвался и проговорился. Ишь, художником себя вообразил! Творцом! Деньги, значит, большие ему мало делать, надо еще и матерью-природой прикрываться! Он, мол, единственный понимает всю ее красоту! А вот дудки! Не понимает.

– Я пришел за книжкой, – сказал Алексей, поднимаясь. – Дай моей жене про икебану почитать.

– Значит, это был не предлог? Не милицейские штучки?

– Последний раз повторяю: в милиции больше не работаю. Я коммерческий директор фирмы «Алексер». Возьми мою визитку и успокойся. Можешь завтра на работу позвонить. Проверить.

– А то вы не можете сделать так, чтобы мне там все, что положено, сказали, – усмехнулся Лейкин.

Закрывая за Леонидовым дверь, он сказал:

– Привет жене.

И Алексею эта фраза почему-то очень не понравилась.

... все цветы мне надоели

Это не мое. Забыть и успокоиться. Что такого особенного случилось? Ничего. Ровным счетом ничего. Пришел бывший одноклассник, обломил на ветках в моей любимой вазе пару сучков, да отщипнул с пяток ягод. Ненужных, как оказалось. Но почему я-то не увидел, что они ненужные?!

А потому что каждый раз одно и то же: «Это не мое». Я ведь столько лет искал, мучился, учился, мечтал, а оказалось, что моего-то ничего и нет. Во всем мире нет. Вот и сейчас. Я творил, искал, думал, что созидаю. С линейкой и транспортиром. А в конце моего конспекта есть маленькое пожелание, совсем крохотное: глаз, рука и сердце не должны быть в плену у правил. Вот и все. Я выучил наизусть и понял весь конспект, а эту фразу не понял. Как же так? Ведь получается, что те, кто только и делает, что следует правилам, не творцы? А творцы те, кто верит только в глаз, руку и сердце?

Но для чего же тогда правила? Для того чтобы все прочие могли прикидываться творцами? Но ведь Лешка Леонидов никакой не творец. У него отродясь не было никаких талантов. И учился я лучше, и на соревнованиях его как-то обогнал. Один раз, но это значит только одно: можно. Никакой

он не недостижимый. И работал он всегда ментом. Простым ментом. И врет, что сейчас не работает. Но я почему-то верю, что в следующий раз он принесет мне книжку про икебану и так же, как про Лилию и Розу, невзначай скажет: «А ведь я знаю, что после моего ухода ты выбросил в мусоропровод желтый пакет с картинкой «Подсолнухи». И про «Нежность» тоже знаю».

И станет мне опять так больно, что умереть захочется. И почему мне так не везет? Почему, прочитав эту книгу и получив диплом флориста, я не сделал ничего достойного внимания и похвалы, а он, прочитав ту же книгу, узнает и про «Нежность», и про «Подсолнухи», и про Лилию с Розой, хотя там ни словечка об этом не написано?

Почему?!

Глава 3

Маргаритка

1

В середине недели Алексей не выдержал и сам позвонил Сергею Барышеву на работу. Захотел узнать, не навредил ли делу своим визитом к Лейкину, но разговор сразу же пошел по иному руслу.

- Серега, время есть?
- Хорошо, что ты меня застал. Убегаю.
- Да я только узнать хотел, как успехи.
- Пока никак.
- Я про «цветочное» дело.
- И я про него. Молчит Анашкин. А я в тупике. Нельзя ведь задержать человека только за то, что он вошел в подъезд чужого дома с букетом цветов?
- Он это отрицает?
- Не отрицает. Куда денешься против показаний двух свидетелей? Он просто молчит.
- Тогда «шерше ля фам», как говорится.
- Мимо, Леха. Я навел справки. Анашкин – отличный семьянин, у него двое детей, жена-красавица. И богатый тесть,

который от внуков без ума. Денег для дочери не жалеет. Какая тут может быть женщина? Дело лишь в бизнесе. Он приехал исключительно по делам.

– А где он был в понедельник вечером, когда Лилию убили?

– Дома был. С женой и детьми.

– А с женой его ты разговаривал?

– Конечно. Подтверждает целиком и полностью.

– Еще бы!

– К сожалению, не только она. У Анашкина в тот вечер теща в гостях была. Она тоже факт присутствия Анашкина дома подтверждает.

– Ну, уж если теща! Теще придется поверить. Неужели тоже подтверждает? – не удержался Алексей.

– А ты не иронизируй. У меня, между прочим, теща – класс! Блины печет – пальчики оближешь. И не хмыкай в трубку, не всегда теща с зятем как кошка с собакой живут.

– Не всегда. Бывает еще, как кролик с удавом. Это когда она кольцами вокруг него обовьется и душит потихоньку. И душит, и душит... Пока сей кролик не помрет. Или не сбежит, если очень умный.

Барышев вздохнул:

– Дело сейчас не в семейных отношениях. Сказал же тебе, что у Анашкиных все в порядке. Я так думаю, что раз Виктория Воробьева с Лилией были подружки, то могла она ей и про дела на фирме проболтаться. Он сначала девчонку

попросил убрать, а потом и с бухгалтершей разделался.

– А что было в букете, который он нес, узнал?

– Ты, Леонидов, конечно, будешь смеяться, но узнал. Розы. Белые розы. Пять штук. Самых дорогих. Между прочим, жена Анашкина сказала, что это ее любимые цветы. Я долго пытался ее разговорить, болтали о том, о сем. И, наконец, узнал про розы. Исключительно ради нашей дружбы. Можешь смеяться.

– Не буду. Розы, значит. Тогда точно «шерше ля фам». Ты его припугни. Намекни, что расскажешь жене про цветочки. И про то, как он в чужой подъезд с букетом заходил.

– Ты что, думаешь, у него с Викторией были амуры?!

– Ага. Он заходил с букетом к ней домой и прямо при муже и детях говорил: «Я вас люблю». Думай, Барышев, думай.

– Да пошел бы ты к черту! Гибискус.

– Ты думаешь, я обиделся? А это, оказывается, комплимент. Только больше женщине подходит. Ты книжку лучше почитай. По цветоводству.

– Не буду.

– Боюсь, что придется. Ты тогда позвони, Серега. Я тебе принесу.

– Я лучше Анашкина припугну. Спасибо за совет.

«Розы, розы, белые розы», – замурлыкал Леонидов, положив трубку. Что же тут плохого: мужчина с букетом цветов? А сам он когда в последний раз дарил жене цветы? Не в честь праздника, а просто так? Да, дарил. И не так давно. Когда

обещал приехать пораньше с работы и посидеть с ребенком, пока жена отлучится по срочным делам, а потом забегался и забыл. Пришлось замаливать грехи цветами. Может, и теперь стоит попробовать?

Покупая вечером букет самых дорогих белых роз, он подумал: «Интересно, это выражение моих чувств или следственный эксперимент?»

Результат следственного эксперимента оказался неожиданным. Жена, увидев супруга на пороге с букетом цветов, охнула:

- Что-то случилось? Господи! – и взялась рукой за сердце.
- Ничего, – растерялся Алексей.
- Ты уезжаешь, да? В командировку? Надолго?
- Да никуда я не уезжаю!
- А почему ты мне цветы купил?
- Просто так.

Александра все равно никак не могла успокоиться. Уложив Ксюшу спать, пришла в большую комнату, присела к Леонидову на диван и уверенно сказала:

- И все-таки что-то случилось.
- Почему?
- Когда вечно занятой мужчина приносит жене вечером букет цветов, значит, он в чем-то согрешил и хочет откупиться.
- Ты так в этом уверена?
- Да.

– Умница. – Алексей чмокнул ее в нос. – Надо спросить супругу Анашкина, не получала ли она в среду вечером букет белых роз?

– Какого Анашкина?

– Хозяина фирмы, где работала Виктория Воробьева. Барышев его в убийстве подозревает. А я подумал, не жене ли он грешным делом цветы-то купил?

– И ты об этом думал, когда мне розы выбирал?!

– Каюсь: думал.

– Я тебя сейчас убью, Леонидов!

– За что?!

– Догадайся с трех раз.

Александра попыталась кинуть в него подушку, Леонидов увернулся, и, увидев, как она потянулась теперь уже за тапком, подумал: «Вот тебе и женская логика! Цветы без повода – это подозрительно, да и не всякий повод, оказывается, годится».

На следующий день Ксюша проснулась с температурой. Позвонив с работы жене и узнав у нее, что врач был и нашел у ребенка обыкновенную простуду, Алексей все-таки решил приехать домой пораньше. Хотя бы на два часа.

Весь вечер он как мог успокаивал капризничавшую Ксюшу. Перечитав всего Корнея Чуковского и вдоволь нарычавшись Бармалеем, умаялся и почти полностью охрип. Уже в одиннадцать часов, когда девочка наконец задремала, он кинулся на зазвонивший телефон, как на злейшего врага. На того самого Бармалея.

– Да?!

– Леха, ты еще не спишь?

– Сплю, Барышев, сплю, – зло прошипел он. – И не только я. У меня ребенок болеет.

– Прости. Я не хотел, – с досадой сказал Серега.

– Говори уже, что случилось.

– Да тебе сейчас не до меня.

– И все-таки?

– Я болван. Ты гений, а я болван.

– Так. Когда?

– В восемь вечера. Сегодня. Те же характерные раны на шее и на лице.

– Что же ты сразу не позвонил?!

– Но это моя работа, а не твоя. Не хотел тебя дергать. Все уже здесь закончено: ее в морг увезли. На вскрытие.

– А ты сейчас где?

– У старушки со второго этажа. В первом подъезде. Седьмая квартира. Это она опознала убитую.

– Так, – нервно повторил Алексей.

– Я даже не прошу тебя зайти, – грустно сказал Серега. – Потому что не знаю, кто из нас двоих прав. Во-первых, ее Маргаритой звали, а во-вторых, Анашкина видели возле тела. Он убежал как заяц, но скоро его возьмут. Так что ложись, Леха, спать.

– Спасибо, – сердито ответил Леонидов и положил трубку.

– Кто это был? – заглянула в кухню сонная жена.

– Ложись спать, – нахмурился Алексей.

– Барышев, да?

– Откуда такая проницательность?

– От любви. Опять кого-то убили?

– Саша, тебе что, забот мало? Иди к себе в комнату. У ребенка опять температура может подняться.

– И ты думаешь, я сейчас усну?! Там маньяк по улице разгуливает, а я усну! Он же сегодня кого-то опять убил! И наверняка опять в нашем доме!

– А от меня ты что хочешь?

– Я хочу наверняка знать, что его поймают.

– Конечно, поймают, – не очень уверенно сказал Леонидов. – Уже поймали.

– А почему ты таким тоном это говоришь?

– Все, Саша. Я ложусь.

– Лешечка, сходи к нему.

– К кому?

– К Барышеву. Он наверняка где-то рядом. Сходи и узнай, что там случилось? Я ведь спать спокойно не смогу. Кто-то ходит по подъездам в нашем доме, убивает женщин...

– Он их вечером убивает. Сегодня, например, в восемь часов.

– Сегодня около восьми часов вечера я бегала в аптеку. Вдруг мне завтра тоже куда-нибудь надо будет выйти? Вдруг вечером?

– Хорошо. Вы с Барышевым думаете, что я самый умный. Гений сыска. Я далеко не столь высокого мнения о своих талантах. Потому что у меня есть работа, которая требует постоянного присутствия и моих мозгов. Я, конечно, пойду. Но разумнее будет с твоей стороны не давить на меня, а просто не выходить вечером из дома.

Он взял с вешалки в прихожей теплую куртку и вышел на лестничную клетку. Было холодно. После такого тяжелого дня у Алексея не было никакого сыщицкого азарта. И даже злости на этого цветовода-убийцу. Только усталость. Чего они все от него хотят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.